

ЛИРИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

СКАЗКИ.

ЛИРИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

СКАЗКИ.

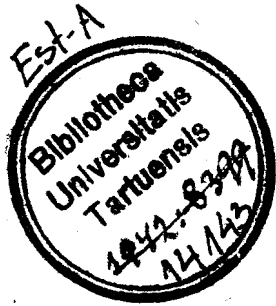
П. О. АЛЕКСѢВА.

ДЕРПТЪ.

Въ Типографіи Г. Лакманна.

1840.

Печатать дозволяется
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Цензурный Комитетъ предписанное число
экземплярровъ.

Дерптѣ, 7-го Октября 1839-го года.
(L. S.)   Цензоръ Ф. Парротъ.

Найда.

Въ серебрѣ живомъ каскада,
Жемчугъ сынала Найда
На волшебныя красы.
И; съ коварною улыбкой,
Подала мнѣ локонь зыбкой —
Изъ разсыпанной косы.
Къ красотамъ ея прикованъ,
Я стоялъ, какъ очарованъ,
При серебряной лунѣ;
Но она, въ свой плащъ изъ пѣны,
Завернула быстро члены
И пропала въ глубинѣ.

Отрывокъ изъ мистической Повѣсти.

Пустынникъ
на берегахъ Иордана.

Подъ влажною ризою сѣдаго тумана,
Излучистый берегъ, лобзая волной,
Дышала прохладою грудь Иордана,
Скользя по пустынямъ амѣю стальной.
Задумчивый вечеръ дремалъ на равнинѣ:
Блѣднѣлъ, догарая, румяный закатъ;
И вѣтеръ развѣялъ по мертвой долинѣ
Отрадный, прибрежныхъ цвѣтовъ, аро-
матъ. —

Угрюмая ночь, пеленою свинцовой —
Одѣла, — плывучія въ даль облака:
И скрыла, въ ложбинѣ, подъ пальмой
шелковой,
Простой и убогой приютъ Старика.

Какъ свѣтлыя мысли, въ душѣ вдох-
новенной,
Занскрились звѣзды во мглѣ голубой:
И странникъ небесный, стезею нетлѣнной
Шель мѣсяцъ, злата темноту подъ собой;
Какъ дѣва на ложѣ, онъ круглый и пол-
ный, —
Ложился на скользкія, черныя волны:
Холодною нѣгой на Землю дыхнулъ —
И сонъ надъ Землею крыло развернулъ.

Поцѣлуемъ дня согрѣта,
Солнцу свѣтлому Сестра,
Спитъ земля въ туманъ одѣта,
Въ пеленахъ изъ серебра
Какъ жильцы могильной сѣни,
Дремлютъ пальмы надъ рѣкой;
И пустыни мирный Геній,
Льетъ изъ Урны свой покой.
Даль очами озираеть,
Гробоная тишина.
Съ мертвымъ берегомъ играетъ,
Въ искрахъ золота, — волна. —

И Старецъ въ пріютѣ простомъ и
 убогомъ,
 Раздувши въ каминѣ живой огонёкъ, —
 Зажепалъ лампаду предъ Господомъ Бо-
 гомъ
 И свѣчи предъ книгой завета зажегъ.
 Жемчужная пѣна, подъ гордыми гра-
 нитомъ,
 Въ серебряномъ свѣтѣ вечерней луны,
 Устарца, бѣлая на темѣ открытомъ,
 Къ плечамъ упали кудрей двѣ волны.
 И страсти, суровыя страсти земныя —
 Оставили слѣдъ на высокомъ челѣ:
 И яркія очи, какъ звѣзды ночныя,
 Горя, утопали въ таинственной мглѣ.
 Казалось, что думой блуждалъ онъ въ
 мнущемъ
 И взоромъ орлинымъ вѣка вопрошалъ:
 И въ сердцахъ, какъ волны — въ челнѣ
 потонушемъ,
 Онъ съ чувствами знойныя чувства мѣ-
 шалъ
 Нѣмѣли въ забвеніи, подъ чернымъ по-
 кровомъ,
 Предъ нимъ безотѣтны, какъ гробы вѣка:

Вотъ искры сверкнули во взорѣ суровомъ
 И къ Арфѣ упала сухая рука.
 Сошлись персты съ золотыми струнами
 И рокоть наполнился думъ роковыхъ:
 Серебряный голосъ, какъ море съ волнами,
 По воздуху льется въ откатахъ живыхъ.

Пѣснь Пустынника.

Духъ мой свѣтлый, сынъ надзвѣздный!
 Пронесись по мракамъ бездны:
 Безпредѣльность облети!
 Тайны мира возвѣсти. —
 Ты скажи, какія силы, —
 Держать въ стройности свѣтлы?
 Въ млечныхъ Вѣчности грядкахъ, —
 Кто живетъ тамъ на звѣздахъ?
 Разорвавъ крылами своды, —
 Погрузись ты въ глубь Природы:
 И, сорвавъ съ нее покровъ,
 Ты проникни въ цѣпь міровъ.
 И, какъ легкой лучъ денницы,
 Въ видѣ кроткой голубицы, —

Въ довременность потони:
 Въ ночь и Хаосъ загляни!
 Силой Вышняго Совѣта, —
 Какъ отторглась тма отъ свѣта, —
 Въ безвременной сторонѣ —
 Ты повѣдай духъ мой мнѣ?...
 Какъ, Всемощною дѣсицей,
 Озарилась багряницей,
 Изъ огня — тамъ Скруглены
 Солицы, Вѣчности сыны?
 Основанія Вседенной,
 Изъ вещественности тлѣнной —
 Иль нетлѣнной Созданы?

Опущенный небомъ на волны Ээира,
 Скругленъ и обить хоромъ звѣздъ золо-
 тыхъ,
 Красуется щитъ голубой изъ сапѣира, —
 Простѣртый надъ сонмомъ созданій жи-
 выхъ,
 И свѣтлое солнце надъ солнцемъ, нес-
 грѣя,
 Составили цѣпь для щита безъ конца;
 И вѣчность нѣмая страну Эмпирея
 Сокрыла отъ взоровъ земнаго лица.

И духъ отверженный Судьбой,
 Предсталъ въ Хламидѣ голубой.
 Онъ грозенъ былъ, какъ ужась битвь —
 И святъ, какъ таинство молитвь:
 Сіяла жизнь въ его чертахъ,
 И повѣсть неба на устахъ.
 Надзвѣдной ризою изъ огня
 Главу онъ старца осѣня
 Въ нѣмомъ безмолвіи стоялъ,
 Держа въ рукѣ Судебъ фіалъ.
 И въ томъ фіалѣ кровь... и дымъ
 Клубился облакомъ съдымъ.

Д у х ъ.

Небо свѣтлое, — безпредѣльное,
 Взору смертному недоступное
 На крутой груди тайной Вѣчности
 Ты округлилося въ храмъ нетлѣнія!
 Бездны Хаоса оживило ты
 Всеизидительнымъ Словомъ Творческимъ
 Въ ночь волшебницу первобытную
 Перелило ты невечерній свѣтъ:
 Брось отъ берега солнць искру знойную
 На фіалъ Судебъ кровью палитый:

Пусть пылаетъ онъ грознымъ пламенемъ
 Пусть освѣтитъ онъ — Эту Храмину
 И разбудитъ въ ней — душу горлицу,
 Залетѣвшую въ тму кромѣшную
 И забывшую свѣтлый берегъ твой....

Соловей.

У хрустальнаго потока,
 Въ кудряхъ шелковыхъ вѣтвей,
 Дышетъ нѣгою востока
 Переливный соловей.

Въ сладкихъ звукахъ голосъ льется,
 Словно звонкая струя;
 Но въ душѣ не отдается
 Отголосокъ соловья.

Я люблю свои картины:
 Ночь и мѣсяцъ надъ прудомъ,
 Гдѣ трепещетъ листь осины,
 Какъ преступникъ предъ судомъ.

Н. Коз — л — ву.

Не улетай къ порѣ минувшей,
 Не вспоминай тяжелыхъ дней,
 И не буди грозы уснувшей
 Въ груди растерзанной моей....

Мнѣ больно!... сердце мести проситъ.
 Какъ алчный тигръ душа моя,
 Въ разженный адъ меня уноситъ
 Мечта, крылатая змѣя. —

Тяжка игрѣ страстей награда.
 Съ клеймомъ страданій на челѣ
 Я гасну, гасну какъ лампада,
 Мнѣ тѣсно, душно на землѣ. —

М. Д. В. рл. му.

В.....! Типосецъ молодой,
 Сынъ пламеннаго Юга,
 Въ Элладѣ, подъ родной звѣздой,
 Порою вспомни друга!

Ты вспомни мирный уголокъ,
 Меня ты вспомни съ лирой;
 И этотъ низкій потолокъ
 Разчерченный рапирой.

Тебя люблю я всей душой,
 Люблю тебя, какъ брата;
 Прости мой М.... небольшой,
 Прости моя утрата!

Воспоминаніе.

1812-й годъ.

Ты помнишь ли, о родина святая,
 Когда въ нашъ край вступилъ Наполеонъ
 И, русскій духъ поработить мечтая,
 Въ громахъ, огнемъ дышалъ со всѣхъ
 сторонъ.

Хотя въ чужихъ земляхъ промчалась
 слава,

Что Бонапартъ легко насъ побѣдитъ;
 Но не сдалась великая держава,

И плѣнь Москвы давнымъ давно забыть.

Ты помнишь ли, какъ съ трескомъ дымъ
 багровый,

Взлеталъ отъ стѣнъ священнаго Кремля,
 Какъ пламенѣлъ въ Москвѣ пожаръ су-
 ровый,

И какъ тряслась отъ выстрѣловъ земля.

Хотя въ чужихъ земляхъ промчалась
 слава,

Что Бонапартъ легко насъ побѣдитъ;

Но не сдалась великая держава,

И плѣнь Москвы давнымъ давно забыть.
 Тогда самъ Богъ, подъ зарею кровя-
 вымъ,

Въ грозѣ, твоимъ соутствовалъ сынамъ,
 Во тьмѣ свѣтилъ орламъ твоимъ двухгла-
 вымъ

И смерть бросалъ къ бѣгущимъ племе-
 намъ.

Хотя въ чужихъ земляхъ промчалась
 слава,

Что Бонапартъ легко насъ побѣдитъ;
 Но не сдалась великая держава,

И плѣнь Москвы давнымъ давно забыть.

Къ Г. Г—л—б—ву.

На долинь голубой
 Нашей Юности крылатой
 И роскошной и богатой
 Повстрѣчались мы съ тобой. —

Въ Свѣтлый праздникъ жизни нашей
 Мы сшибали чану съ чашей,
 И въ уста волной густой
 Лили нектаръ золотой.

Время молніей летѣло,
 Сердце выпрыгнуть хотѣло
 Изъ груди въ другую грудь,
 Но какъ скудець жизни путь!...

Наша скользкая дорога,
 И терниста и убога,
 Широко раздвоена,
 Не сведеть ужъ насъ она!

Странникъ, милый братъ въ изгнаньи
 О тебѣ воспоминанье —
 Надпись плиты гробовой
 Не умереть въ душѣ живой?

К о н ю .

Конь мой бурный, конь ретивый,
 Не вздымай волнистой гривы
 Предъ сверканіемъ огня.
 Предъ наездникомъ могучимъ
 Вейся вихремъ ты летучимъ,
 Въ бой, грозой неси меня.
 Но если я изнеможенный,
 Подъ свистомъ мѣткого сеница
 Слечу съ тебя окровавленный
 Но если съ грознаго лица
 Спадетъ завѣтное забрало;
 И смерти хладные персты,
 Накинуть тлѣнья покрывало
 На искаженные черты...
 Тогда мой конь лети стрѣлою,
 И, скройся въ дикомъ табуиѣ,
 Какъ звѣзды кроются подъ мглою.

Р о ж ь .

Зелено-бархатной межей опушена,
 Какъ золото въ канвахъ узорныхъ изум-
 руда,
 Склонялась въ полѣ рожь подъ туч-
 ностью зерна;
 И колосья рдѣющій, для довершенья чуда,
 Качался медленно, какъ зыбкая волна
 При свѣтлыхъ яхонтахъ румянаго вос-
 тока;
 И тихо онъ журчалъ подъ летомъ вѣ-
 терка,
 Какъ сонная струя забытаго потока;
 Но вотъ пришла пора, и жадная рука
 Губительнымъ серпомъ поля опустошила;
 Тяжелые снопы, уставленные върядъ,
 Въ дали, какъ мертвецы безмолвные
 стоять...
 И полевая гладь, безъ жизни, какъ могила.

Къ Графу Д. И. Хвостову.

Тамъ, гдѣ влажною прохладою
 Дышетъ звучная волна,
 И съ прибрежною преградой
 Встрѣтятся, борется она;
 Гдѣ въ обрывистомъ паденьи
 Разбиваются струи,
 Тамъ на брегѣ, въ отдаленьи,
 Тлѣютъ праотцы твои,
 Тамъ нѣтъ скорби, нѣтъ страданій,
 Спитъ сердечная гроза,
 Тамъ въ часы воспомнаній
 И тебя почтять слеза!
 Тамъ угрюмое забвенье
 Обопрется о гранить,
 И вѣковъ сопротивленья,
 Мавзолей чело склонить.
 Но надъ временемъ суровымъ
 Ляжетъ вѣчный мракъ, когда:
 Надъ вѣнцомъ твоимъ лавровымъ
 Заблеститъ кубры вода.

Умирающему Барду.

Незная пристани въ волнахъ житей-
 ской бури,
 Игралице Судьбы, безродный Сирота, —
 На твой закатъ гляжу, къ твоей, поэтъ,
 лазури. —
 Моя угрюмая склоняется мечта.
 Остарець дремлющій въ лучахъ вечер-
 ней славы,
 Серебровласый бардъ, парящій въ мирну
 снѣнь
 Ужъ близокъ твой закатъ . . . ужъ мѣсяць
 величавый
 Прорѣзалъ сумрачный востокъ и смерти
 тѣнь —
 Спустилась на лазурь: — и звѣзды вдох-
 повеній,
 Подъ мракомъ кроются, — въ туманѣ
 блескъ дробя;
 Затрепеталъ, въ твоей груди, дремавшій
 Гений
 И манить — въ свѣтлый путь, къ над-
 звѣздно сти тебя.

Присказка.

Вь безконечности утромой,
 Подъ ненастной тяжкой думой,
 Хаосъ сумрачный сидѣлъ
 И, къ нестройнымъ мракамъ ночи,
 Пригвоздивъ огромны очи,
 Робко въ вѣчность онъ глядѣлъ.
 Вздохомъ бездны раздвигая
 И по тайнамъ пробѣгая,
 Въ безутѣшности скучалъ:
 И дыханьемъ урагана,
 На сѣдыхъ крылахъ тумана,
 Онъ усы свои качалъ.
 Въ безпредѣльной колыбели,
 Жизнь, своей не зная цѣли,
 Крѣпкимъ сномъ тогда спала;
 Смерть, усѣвшись на пучины,
 Отправляла имянины
 И на весельѣ была;
 Не было у ней стакана,
 Такъ она изъ океана
 Тму кромѣшную пила

Довременность то былая,
 А вотъ сказка удалая:
 Про того ли молодца,
 Про могучаго Иванку,
 Бѣлоснѣжную рубашку,
 Словомъ, дѣломъ удалца....

Миртвѣй вѣнокъ.

(А. Г. Кахановской.)

Сіяло утро золотое
 На свѣтлой неба полосѣ;
 И миртъ, склоня чело густое,
 Горѣлъ въ серебряной росѣ.
 Мой духъ, къ задумчивости склонный,
 Сливался съ говоромъ вѣтвей,
 И надъ дубравой полусонной
 Защелкалъ сладко соловей.
 Какъ ключъ нагорнаго потока,
 Онъ въ перекатахъ клокоталъ,
 Гулилъ, гремѣлъ онъ и свисталъ
 И таялъ нѣгою Востока.
 И вотъ, залившись, изнемогъ....
 О! какъ мила природа Юга!
 Изъ мирта свѣжаго вѣнокъ
 Я въ даръ несу тебѣ, подруга;
 Подъ звучной пѣснью соловья,
 Смотри, какъ вышелъ онъ небрѣженъ,
 Какъ гибокъ онъ, душистъ и нѣженъ
 И круглъ, какъ вѣчности змѣя. —

К — зл — вымъ.

Гонимый бѣдствія рукой неумолимой
 Я на краю моеи погибели стою,
 Мой духъ парить къ странѣ уму непо-
 стижимой —
 И я, въ послѣдній разъ для васъ, друзья,
 пою....
 Я чувствую, что кровь во мнѣ ужъ хо-
 лодѣтъ;
 И слабость разлилась по брѣнности моеи;
 Свѣтъ солнечныхъ лучей не для меня
 зардѣтъ,
 Мой взоръ ужъ болѣе не встрѣтится съ
 зарей.
 Въ безвѣстность я лечу надеждой окри-
 ленный;
 Минувшее стоитъ въ туманѣ предо мной,
 Я вижу, въ немъ одни страданья усы-
 пленные

Лежать подъ черною, тяжелой пеленой.
Друзья! когда мой гробъ вы въ саванъ
облачите

И молотъ простучить по крышѣ гробовой,
Тогда безъ слезъ меня въ могилу опус-
тите

Она мнѣ возвратитъ потерянный покой. —

П о э т ъ .

Свободно за черныя тучи, орелъ залетая
могучій
Надъ моремъ тумановъ парить и въ глубокія
пропасти ринуть,
Свободно и вътеръ летучій, ударясь о
волны кипучи
Свой пѣною слѣдъ серебрить и свободно
поэтъ говорить,
Судебъ ли законы суровы наложить на
сердце оковы,
Кто можетъ мой духъ оковать?

Прозаикъ.

Не возносишь, поэтъ, высоко,
Въ порывахъ пламенной мечты;
И върѣ, въ заметныхъ вихряхъ ты
Не улетишь отъ насъ далеко!

Поэтъ.

Молчи, холодный трупъ земли!
 Ты пылъ бездушная, — тебѣ ли
 Со мной летѣть къ сокрытой цѣли?
 Тебѣ ль носиться тамъ въ дали?
 Подъ зноемъ пылкихъ вдохновеній
 Когда горитъ душа моя,
 Когда все вижу, слышу я,
 Ты спишь надъ грудкою растлвнній!

Разсвѣтъ.

Срывая черный свой покровъ
 Съ отчизны пламенныхъ мировъ. —
 Блѣдна, трепещетъ, въ нѣгѣ, ночь.
 Звѣзда зари Ээира дочь, —
 Въ своей одеждѣ золотой,
 Горитъ на ризѣ мглы густой;
 И утро будитъ вѣтерокъ.
 На сладко дремлющій востокъ,
 Въ лучахъ, румяная зари
 Льетъ пышно волны янтара.
 И солнце, — щитъ кровавый дня,
 Судьбой скругленный изъ огня,
 Въ струяхъ пучины голубой,
 Какъ шаръ пылаетъ золотой:
 И въ безднѣ, слитой въ круглоту,
 Проводитъ знойную черту.
 И та черта, существо змѣя,
 Сидеть въ цѣли бытiя;
 Ее и время не сотретъ,
 Нѣмая вѣчность не пожретъ.

Закатъ

Бушуетъ солнце въ заливъ янтарномъ
 Вечернихъ небесъ;
 Подъ легкою синью, въ вѣнцѣ лучезарномъ,
 Волнуется лѣсъ.
 Въ серебряныхъ кудряхъ, осыпаны златомъ,
 Горятъ облака;
 И вѣтеръ качаетъ, подъ тихимъ закатомъ,
 Кусты тростника.
 Рѣчная равнина, одѣтая сталью,
 Лежитъ пеленой: —
 И парусъ широкій, надъ зыбкою далью,
 Играть съ волной....
 Но вотъ уже дремлетъ нѣмая долина;
 Красавое солнце, какъ щитъ исполнна,
 Спустилось за далью лѣсной!

Къ Пороку.

Не пожирай меня очами сладострастья!
 Не сожигай дыханьемъ знойныхъ устъ!
 Безумно допитый бокалъ земнаго счастья,
 Стоитъ давно передо мною пустъ!..
 Съ земнымъ блаженствомъ мѣръ безводная пустыня...
 Я жажду небесною томимъ:
 Тамъ, съ хоромъ звѣздъ бокалъ, въ немъ кроется Святѣня..
 О! дай же мнѣ напиться Херувимъ!...

Радость.

Изъ Шиллера.

А. П. М — т — в — ву.

Радость, искра въ блескъ рай,
 Дочь надзвѣздной стороны,
 Пьемъ огонь, въ твой храмъ вступаю.
 Мы тобой озарены.
 Ты бросаешь насъ въ объятія
 Чародѣйственнымъ жезломъ;
 Царь и Ниціи, всѣ мы братья,
 Подъ святымъ твоимъ крыломъ.

Хоръ.

Обоймитесь милліоны!
 Тотъ поцѣлуй мірамъ.
 Братья! надъ звѣздами тамъ
 Судія нашъ непреклонный.

Кто достигъ высокой мѣты
 Другу вѣрнымъ другомъ быть;
 Кто, лобзаніемъ согрѣтый,
 Дѣвъ могъ пламенно любить —

Торжествуи! одно созданье
 Кто своимъ звалъ на землѣ,
 Кто жъ, не могъ — покинь собранье,
 Съ грустной думой на челѣ!

Хоръ.

Все живое въ поднебесной,
 Цѣнью тайной и святой
 Сиѣлено будь съ высью той,
 Гдѣ живетъ намъ не извѣстный!

Радость жадно пьютъ созданья,
 Обнажа природы грудь:
 Гдѣ она, тамъ нѣтъ страдья!
 Злымъ и добрымъ свѣтлый путь
 Радость къ небу пролагаетъ,
 Друга шлетъ передъ концемъ,
 Въ червя жизнь и огонь влагаетъ,
 Радость, Ангель предъ Творцемъ.

Хоръ.

Преклонитесь милліоны!
 И познай Творца ты міръ
 Тамъ, гдѣ съ хоромъ звѣздъ Эфиръ,
 Тамъ живетъ онъ, благосклонный!

Радость, въ тайнахъ мірозданья,
 Неразрывное звѣно.
 Ею, колесо созданья
 Въ безпредѣльность скруглено:
 Радость въ жизнь все превращаетъ —
 Солнцамъ свѣтъ льетъ; зной лучамъ;
 Въ безднахъ, сонмы сферъ вращаетъ
 Недоступные очамъ.

Хоръ.

Радостно, какъ солнцамъ Бога, —
 Свѣтель путь въ той глубинѣ:
 Будь и Намъ свѣтла дорога
 Къ той безвѣстной сторонѣ! —

Правды въ зеркалѣ огнистомъ,
 Звѣздъ вѣнцомъ озарена,
 На холмѣ святыни чистомъ,
 Улыбается она:
 На челѣ свѣтила небесныхъ,
 Развѣвая знамена,
 Изъ предѣловъ гроба тѣсныхъ
 Въ вѣчность насъ зоветъ она.

Хоръ.

Пострадайте милліоны,
 За ту жизнь, за лучшій міръ....
 Тамъ, гдѣ съ хоромъ звѣздъ Эфиръ,
 Тамъ, Васъ встрѣтитъ непреклонный.

Сонмъ безсмертныхъ неподкупенъ,
 Нѣтъ пристрастья въ той странѣ!
 Тамъ стонъ каждаго доступенъ,
 Богу силъ въ живомъ огнѣ.
 Мести, кознямъ будь забвенья!...
 Уклонитесь отъ зла, —
 Чтобъ за слезы, за гоненья,
 Совѣсть сердца не грызла....

Хоръ.

Наши распри позабудемъ: —
 Примирися съ небомъ міръ;
 Тамъ, гдѣ съ солнцами Эфиръ,
 Насъ осудитъ Богъ, какъ судимъ!...

Радость брызжетъ къ намъ въ бокалы
 Въ капляхъ крови золотой....
 Пейте кротость Каннибалы,
 Пей отчаянье покой!....

Будь же свято мѣсто наше!....
 Вотъ бокаль изъ серебра,
 Съ дымной пѣной, звѣздъ онъ краше,
 Выьемъ за духовъ добра!

Хоръ.

Тотъ, кто пролилъ свѣтъ надъ
 бездной,
 Ночь и Хаосъ озарилъ,
 Кто все словомъ сотворилъ...
 Выьемъ въ славу, той надзвѣдной!...

Въ скорби духъ необоримый,
 Помощь слабости, слезамъ;
 Вѣрность въ клятвѣ нерушимой,
 Правда другу и врагамъ!
 Непреклонность передъ властью!
 Братья! золото и кровь.....
 Лавры не слѣбому счастью,
 Гибель соиму лжесыновъ!

Хоръ.

Въ братской кругъ соединитесь!
 Клятва при винѣ живомъ:
 Въ вѣрномъ словѣ роковомъ
 Передъ Небомъ поклонитесь!

II.

**Стихъ твой буйный, стихъ прекрас-
 ный,**

Дышетъ нѣгой сладострастной, —
 Какъ цыганки дикой грудь.
 Круглый онъ, какъ мѣсяцъ полный;
 Звучный онъ, какъ въ морѣ волны:
 И угрюмъ, какъ жизни путь.
 Сизымъ облакомъ тумана,
 Онъ клубится изъ кальяна,
 Какъ отрадный ароматъ —
 Надъ берегами Дагестана:
 Гордъ, какъ приговоръ Султана, —
 И суровъ, какъ казачать! —

Къ Надеждѣ.

Какъ блѣдная заря на склонѣ до-
 гарая,
 Мертвующимъ лучемъ златить вершины
 скаль
 И тусклый свѣтъ ея въ лазури замирая,
 Последнимъ отблескомъ лобзаетъ водѣ
 кристалъ;
 Такъ и меня моя надежда утѣшаетъ:
 Вотще, она ко мнѣ склоняетъ пѣжный
 взоръ;
 Вотще, улыбкою страдальца воскрешаетъ
 И гаснетъ робкая, какъ легкой метеоръ. —
 Теперь мой духъ ее не такъ уже встрѣ-
 чаетъ,
 Какъ нѣкогда встрѣчали — неопытной
 мечтой....
 Теперь онъ рѣдко ей въ объѣмахъ довь-
 ряетъ,
 И говорить всегда обмануть я тобой!

Къ Н. М. Языкову.

Сонетъ.

Какъ серебро нагорнаго каскада,
 Летя со скаль хрустальною дугой,
 Твой круглый стихъ, какъ жемчугъ до-
 рогой,
 Дымясь, кипитъ надъ сокомъ винограда.

Горды твоей разгульной лиры чада!
 Ихъ не дерзнетъ воспѣть пѣвецъ другой,
 Звукъ ревности подѣ Вакховой погой —
 Замретъ какъ свистъ; — вотъ дерзости
 награда!

Какъ аромать душистаго вина,
 За пуншевымъ столомъ сладка, шумна,
 Душа пировъ — твоя пѣснь удаля!

Въ ней, какъ звѣзда на небѣ зажжена, —
 Горитъ въ лучахъ студентовъ старина,
 Душевный пылъ и молодость лихая. —

Къ Дѣвѣ.

Сонетъ.

Когда задумчиво ты, дѣва молодая,
Тоску сердечную мечтами пробуждая,
Подъ тѣнью липъ густыхъ, въ одеждѣ
неземной,
Какъ нѣжнѣйшій Херувимъ предстала предо
мною.

Я робко на тебя смотрѣлъ, съ тобой
страдаю,
И зыбко грудь твоя, отъ вздоховъ опадаю,
Какъ свѣтлая волна, отбитая волной,
Вздыхалась трепетно подъ легкой пе-
леной.

Тогда любовь въ груди, какъ голубь,
встрепенулась,
Рука дрожащая до алыхъ устъ коснулась
И пробѣжала огонь по близкѣ ланитъ;

Но ты, страдалница, сонной не улыб-
нулась
Горячая слеза на взоръ твой навернулась
И будущность легла на сердце, какъ
гранитъ.

КЪ НОВОМУ МѢСЯЦУ.

Сонетъ.

Какъ челнъ серебряный надъ лентой
 тучъ волнистыхъ,
 Подъ отуманенной алмазною звѣздой
 Задумчиво плывешь ты мѣсяцъ молодой,
 И тонешь въ жемчугъ надръзовъ золо-
 тистыхъ.

Безжизненный твой лучъ, какъ слитокъ
 перловъ чистыхъ,
 Разсыпавъ тусклый свѣтъ надъ сонною
 водой,
 Разбитый стелется огнистою грядой
 И зыблется, какъ змѣй въ отливвахъ се-
 ребристыхъ.

Картина блѣдная печальной красоты!
 Тобой встрѣвожены кипятъ мои мечты
 И цѣпенѣтъ умъ подѣ думой роковою.

Скажи, куда плывешь двурогій мѣ-
 сяцъ ты,
 За чѣмъ ты въ грудь мою льешь тай-
 ны съ высоты,
 И дышешь, какъ мертвецъ, прохладой
 гробовою?

Къ безроднымъ сиротамъ.

Советъ.

Я васъ узналъ страдальцы земныя,
 Забытыя природой и судьбой,
 Я слышалъ вашу пѣснь и звуки мнѣ род-
 ныя
 Упали на душу, какъ вѣщій мѣди бой.

Вы на землѣ, какъ призраки ночныя,
 Въ холодной мглѣ, враждуете съ собой
 И горекъ ропотъ вашъ на тайнства земныя
 На тѣхъ, кто вызвалъ васъ изъ бездны
 роковой,

Кто васъ обрекъ на скорби и мученья,
 Кто отвратилъ въ пылу ожесточенья
 Лице и заперъ слухъ для воплей сироты;

Кто встрѣтилъ васъ своимъ бездуш-
 нымъ взоромъ,
 Кто уязвилъ безумнымъ васъ укоромъ,
 На тѣхъ, кто васъ родилъ для слезъ и
 нищеты.

Къ надеждѣ.

Сонетъ.

Надежда робкая, ты сердцу изменила,
 Твоя заря въ дали обманчиво зажглась,
 Не даромъ грудь моя сомненьемъ потряслась,
 Невѣрная! меня сквозь сумракъ ты манила!

Лишь въ душу знойную ты искры заронила
 И въ тучи грозныя коварно облеклась,
 Съ тѣхъ поръ моимъ мечтамъ свѣтитъ ты отреклась,
 Съ тѣхъ поръ вся жизнь моя, какъ холодная могила.

Когда подъ временемъ скорбей я
 изнывалъ,
 Какъ часто, блѣдная, тебя не узнавалъ;
 Ты холодна была, какъ мѣсяцъ со звѣздами.

Напрасно я къ тебѣ въ страданіяхъ
 взывалъ,
 На призракъ гаснуцій напрасно уповалъ,
 Твой взоръ въ души скользилъ, какъ вѣтеръ надъ водами.

Къ жизни.

Советъ.

Превратный, страшный сонъ; боренье
думъ могучихъ,
Жизнь, скудный даръ небесъ, игра судьбы
сильной,
При дикомъ ропотѣ, въ пылу страстей
кипучихъ,
Мой духъ, не разъ, мечталъ тебя поправить
стопой.

Какъ море грозное, подѣстономъ водъ
зыбучихъ,
Бунтуя, рвется въ даль, при бури гро-
мовой,
Такъ рвался я не разъ въ моихъ мечтахъ
летучихъ
И грызъ сомнѣнемъ связь цѣпи роковой.

Сорвавъ съ тебя покровъ рукой изне-
моженной,
Страдалецъ, гибиущій, отъ груди обна-
женной
Я отпадалъ не разъ, какъ буйное дитя.

Но снова вихрями раздумья поглщен-
ный,
Взирая на туманъ безвѣстности сгущен-
ный,
Я припадалъ къ тебѣ, пылъ бурный
укротя.

Ex lib. univ. Tart.

Д у м ы.

Бѣдное сердце, ты рано изныло
Отъ скорби земной;
Горе за горемъ встрѣчая уныло,
Ты вянешь со мной.

Буйныя страсти и знойная нѣга
Не грѣютъ суровой души;
Какъ странникъ усталый, я жажду
ночлега,
Мнѣ грустно въ пустынной глуши.

Мертвое сердце, ты старецъ безсилъ-
ный;
Порою ты бѣгнешь въ груди горячей,
Но звукъ тотъ неясный, какъ заступъ
могильный
Тревожить и гонить мой сонъ отъ очей.

Въ нестройныхъ вихряхъ бытія,
Кто я? что я? что жизнь моя?
Свинцовый валъ на брегъ плеснулъ —
И въ черной безднѣ потонулъ.

Мила звѣзда — въ зыбяхъ Эмира
Надъ гладью пышною воды;
Но я, мертвецъ въ пустынь міра,
Я не люблю живой звѣзды.

И небо черепъ изъ Сапфира
Тогда, тогда лишь мнѣ мило, —
Когда громовыхъ тучъ порфира
Грозой затмитъ его чело.

Когда кровавыми чертами
Заблещетъ молнія змѣя,
И буря черными перстами
Встревожитъ струны бытія.

Брови страшныя пахмура,
Въ тучахъ мести роковой,
Что ревешь сѣдая буря,
Надъ кипучей головой?
Ропотъ дикой и суровой
Ты на сердцѣ не буди:
И, какъ грузъ тоски свинцовой,
Потони въ молодой груди.

Вороненая сталь — въ сводахъ черная
мгла;

На свинцовомъ коврѣ ночь огни развела;
На Эфирныхъ струяхъ спить небесъ
глубина;

Тонкой серпъ въ серебрѣ — на востокѣ
луна.

Я уныло гляжу на небесную даль
И въ груди, какъ змѣя шевелится печаль;
Какъ живой Прометей на Кавказской
скаль,

Я прикованъ стою на постылой землѣ:
И не когти орла, и не когти орла, —
Раздираетъ мой духъ — дней грядущая
мгла.

Ахъ! не туча роковая,
Разразилась надо мной: —
Дума тяжкая, былая, —
Развернулась пленой.
Сердце бѣдное заныло;
Рвется въ даль душа моя....
Все въ туманѣ, все не мило!
И какъ тѣнь скитаюсь я.

Какъ Ангель безплотный, какъ небо
чиста
Какъ праведныхъ жертва, съ молитвой,
свята,
Съ любовью во взорѣ, и съ нѣгой въ
устахъ,
Тѣнь легкая вьется въ невинныхъ меч-
тахъ.

Дыханья ея отъ лилей ароматъ;
И робокъ и нѣмъ передъ нею развратъ.
Въ рукъ бѣлоснѣжной, цвѣтокъ голубой
Невянетъ, упитанъ душистой росой.

Какъ Майское утро, какъ солнце
свѣтло,
Сіяетъ ея молодое чело.
И зыбкія кудри, какъ осени мгла,
Какъ черныя тучи, висятъ вокругъ чела.

И очи, какъ моря пучина, черны:
Въ пучинѣ той искры небесъ зажжены.
На ней не земная лежитъ пелена:
Обвита въ Эфиры покровы она.

Съ перунами, въ безднѣ, парящій
орелъ, —
Въ устахъ непорочныхъ небесный гла-
голь.
Невинною дѣвой ее мѣръ нарѣкъ;
И блѣдень, трепещеть предъ нею порокъ.

Въ тотъ часъ,
Когда Творца глаголь, судьбой неotra-
зимою,
По безпредѣльности, промчась, необоз-
римою,
Всѣ бездны Вѣчности потрясъ ...

Въ тотъ часъ,
Какъ Хаоса предѣль, грозой небесъ
громимый,
Дрожа предъ Волею — ничѣмъ неукроти-
мой,
Скругляя мѣры, подъ звучный гласъ ....

Въ тотъ часъ,
Богъ бросилъ жалкій взоръ на скудное
созданье ...

И скрывъ, въ глухихъ громахъ, свое не-
годованье:
Самъ, въ вихряхъ бытія, какъ молнія
погасъ ...

Съ тѣхъ поръ,
Тлѣтворная мечта, по всемія мірамъ
Вселенной,
Подъ жизнью скудною въ превратность
облеченной,
Склоняетъ въ Вѣчность робкой взоръ ....

Съ тѣхъ поръ,
Нашъ изнуренный духъ, подъ тяжкимъ
гнетомъ тлѣнья,
За гробовой доской ждетъ жадно иску-
пленья, —
Въ камъ забвенія — въ укоръ:

Съ тѣхъ поръ,
Нашъ гордый умъ, разбитъ о скалы пред-
ковеній,
Скитаеся во тмѣ завѣтныхъ заблужденій:
И тонетъ въ пропастяхъ, какъ легкой
метеоръ.

Отдай ты мнѣ Вѣчность, отдай мнѣ
сѣдая, —

Суровую младость, съ лѣтами, назадъ:
Пусть бѣдное сердце, въ страстяхъ увя-
дая, —

Пьетъ снова, по каплѣ, губительный ядъ;
Но нѣтъ! ты судьбой мірозданья играя,
Въ Эфиръ безпредѣльный льешь волны
огня:

И слѣдъ бытія на мірахъ пожирая, —
Не хочешь жестокая слушать меня! —

Сопутница любви печальной,

Моя разсыпалась звѣзда....

И звуки, пѣсни погребальной,

Въ груди, остались на всегда.

Съ восходомъ солнца, до заката

Болитъ, груститъ душа моя:

Мечты исчезли безъ возврата....

Надежда гаснетъ... мраченъ я!

Еще стоитъ съ грозой недопитый
Фіалъ:

Еще на робкой стонѣ, моею земной пе-
чали,

Мнѣ волны ропотомъ хлужимъ неотвѣ-
чали;

Еще я съ ними слезъ горючихъ не
мѣшала;

Но море, на твоихъ я берегахъ стоялъ....
Я видѣлъ, какъ они твою грозу встрѣ-
чали

Ревѣло страшно ты; валы въ скалы
стучали;

Но дикой твой напоръ, — ихъ ребрь
несокрушала.

Воспоминаніе.

Когда я свѣтлыми мечтами,
 Изъ мрака, думы вызывалъ,
 Когда любилъ и уповалъ,
 Что радость не пройдетъ съ лѣтами
 Какъ гордо я тогда дышалъ!
 Какими яркими цвѣтами
 Путь скудной жизни украшалъ!
 Въ восторгахъ пламенныхъ старая,
 Я не искалъ другаго рая,
 Я не блуждалъ въ туманной мглѣ,
 Я счастливъ былъ и на землѣ.
 Но рано, дѣва молодая,
 Подъ гнетомъ рабства увядая,
 Какъ подъ налетомъ тучъ заря,
 Последней радостью сіяла,
 Последній лучъ комѣ бросала,
 „Прости!“ Мнѣ взоромъ говоря.
 Свершилось все! мнѣ измѣнили, —
 Надеждъ обманчивыхъ мечты
 И жаръ сердечной полноты,
 Приливы холода стѣснили.

Тяжка моей судьбы рука,
 Моя душа какъ степь дика
 И глубока, какъ бездна моря:
 Въ ней много, много скрыто горя....
 Моя ужасная любовь,
 Безумное страстей волненье, —
 Людей бездушныхъ притѣсненье
 И беззащитной дѣвы кровь.....
 Вотъ сердца моего скрижали,
 Душевной бури вотъ слѣды,
 Суровой юности плоды,
 Источники моей печали!

Не жемчужины перекаatnya
 На крутой скалѣ разсыпалися;
 Слезы крупныя красной дѣвицы
 Обълаю грудь разбивалися.

Не рѣка въ грозу непогодушку
 Въ берегахъ своихъ расплескалася;
 Отъ не взгоды злой отъ кручинушки
 Грудь красавицы взволновалася.

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
 Горемышная сокрушалася;
 Со милымъ дружкомъ, съ яснымъ соко-
 ломъ
 Она бѣдная раставалася.

Аллегорія.

Надъ свинцовой водою, паръ клу-
 бился сѣдой,
 Въ высотѣ голубой — лучъ звѣды золотой,
 Въ переливахъ сіялъ и алмазь разсыпалъ
 Надъ туманной волной; и багровой луной
 Озарялась поверхность хрустальныхъ
 стремнинъ.

Я, на угламъ челнѣ, сквозь туманъ,
 при лунѣ,
 Очарованный, думалъ по кипучимъ волнамъ;
 Но сломилось весло, и мой челнъ занесло
 Непокорной водою, въ безутьшную мгла:
 Валъ противясь валу — гнали челнъ на
 скалу, —
 И ударился онъ о гранитъ въковой...
 Разлетѣлися доски и я утопалъ,
 Безнадежная мгла — въ безутьшность
 влекла,
 Бунтовала душа, и я дико взиралъ,
 Какъ ревущая влага меня понесла.

Я погибнуть желалъ и рукой не хваталъ
 За обломки разбитого бурей челна;
 Но крутая волна, извиваясь, со дна,
 Подняла въ жизнь меня для страдаль-
 ческихъ дней.

Такъ друзья! я любилъ . . . . Я усладу
 исполнилъ,
 Я два года невинно предъ небомъ дышалъ;
 Я два года святую отраду вкушалъ;
 Но завистливый рокъ мой разсвѣтъ
 омрачилъ.

ПѢСНЯ ДВУЖНИЦЫ.

Впила въ грудь тоска — змѣя;
 Ни звѣздочки не вижу я;
 Душна черна ты поченька!
 Когда уснешь ты' доченька?
 Теперь мой мужъ спитъ крѣпкимъ
 сномъ . . . .

Заливъ тяжелый грѣхъ виномъ,
 Утру полонъ въ крови топоръ,
 Во тмѣ собью съ воротъ запоръ:
 Одна въ дремучій лѣсъ пойду,
 Я тамъ, я тамъ его найду;
 Какъ молодежь онъ, какъ свѣжъ могучь!
 Его кафтанъ синѣ тучь,
 Его кушакъ алѣе дня;
 Орлиный взглядъ, что жаръ огня.
 Что молвить онъ казной дарить
 И красенъ онъ, что боръ горить.

Ш. К. Фон деръ Б.

Уже съ шестнадцатой весно
Ты повстрѣчалась подь луною
Какъ херувимъ душой чиста
Младая дѣва красота!

Нѣжна, какъ вѣшній цвѣтъ долины;
Стройна, какъ пальма Палестины;
Свѣжа, какъ горный виноградъ;
Мила, какъ розы аромать.

Сердечныхъ бурь еще не зная,
Цвѣти ты, прелесть не земная,
Дыши отрадою одной —
На лонѣ матери родной.

Ей же.

Каль фіалка, подь рососою
Не измѣнною красосою
Дѣва юная, цвѣти;
Утро радостью встрѣчая,
День улыбкой провожая,
О минувшемъ не грусти!

На стонъ мой — стономъ кто отвѣтитъ,
На слезы — кто прольетъ слезу?
Кто боль души моей замѣтитъ —
И кто пойметъ ея грозу?

На знойномъ сердцѣ ноютъ раны,
Сухая грудь горитъ огнемъ
И чувства думъ моихъ тираны,
Кипятъ сильнѣе съ каждымъ днемъ.

Въ туманѣ грядущее сокрыто,
Темнѣетъ взоръ, клокочетъ кровь,
Ужель на вѣки все забыто:
Мой жаръ, признанье и любовь?

Ужели душъ бессильныхъ злоба
И ядъ холодной клеветы,
Разлучать насъ до сѣни гроба;
Ужель меня забудешь ты?....

П Ъ С Н Я.

Не цвѣсти цвѣткамъ подь зноемъ,
 безь росы;
 Не расти въ лугахъ, безь солнышка, травѣ
 Грустно молодцу безь дѣвицы красы;
 Безь любви нѣтъ свѣтлыхъ мыслей въ
 головѣ.

Злые люди, вы незнаете того,
 Какъ тоска въ любви бываетъ тяжела:
 Сердце ностъ, чувства просятъ одного,
 Чтобы милая всегда въ очахъ была.

Мнѣ не надо бѣлокаменныхъ память;
 Нелѣзить къ богатству радость на
 душѣ:

Я однимъ ея бы взглядомъ былъ богатъ,
 Былъ бы счастливъ съ нею въ бѣдномъ
 шалашѣ.

Изчезъ туманъ очарованій,
 Какъ сонъ разсѣялись мечты:

Моихъ мучительныхъ страданій,
 Моихъ заботъ — нестоишь ты.

Моя любовь — тебѣ отравѣ...
 Мои лобзанья, — цѣпи звукъ.
 Я твой тиранъ? какъ ты неправѣ!
 Но Богъ съ тобой, мой милый другъ!...

Я перенесъ ударъ жестокой:
 Твоей измѣны — злобный ядъ, —
 Въ груди оставилъ слѣдъ глубокой
 И язвы на сердцѣ горять.

Прости! въ груди моей не злѣба,
 А жалость пробудилась вновь;
 Прости! и знай у двери грѣба, —
 Я вспомню про твою любовь....

Изчезъ туманъ старованій,
 Какъ сонъ разсѣялись мечты:
 Моихъ мучительныхъ страданій,
 Моей любви нестоишь ты. —

Н. Коз—л—ву.

Добрый, русской Гржданинъ,
 Полный разума и силы,
 Возвратился братъ нашъ милый,
 Отъ полуденныхъ долинъ.
 Простирая, жадно, руки
 Къ дивнымъ тайникамъ науки,
 Ты ушлся, наконецъ,
 Свѣтомъ мудрости небесной.
 Злыхъ недуговъ врачъ чудесный!
 Ты взгляни на мой вѣнецъ:
 Въ немъ не лавры, — тернъ колючій...
 Не сіянье, вокругъ чела, —
 Ночи мгла и грозны чучи
 Мнѣ судьба въ удѣлъ дала.
 Но тернѣнїемъ богатый,
 Громоу бѣдствїи закаленъ,
 Несовсѣмъ я утомленъ;
 Не совсѣмъ еще я сжатый!...
 Для мечты моеї крылатой
 Я отыскивалъ просторъ,
 Въ той безгранной неба чашѣ,

Гдѣ играетъ солнце краше;
 Гдѣ, о темя льдистыхъ горъ,
 Золотой, оно, лучъ точить;
 Гдѣ серебряный каскадъ
 Льется и разбитый въ чадъ, —
 Въ зной, — прохладной пылью мочить. —

Мнѣ душно днемъ; я ночь несплю;
 Душа въ огнѣ, душа горить, —
 Звукъ сердца громко говоритъ,
 Что боленъ я, что я люблю...

Языкъ мой сухъ... дрожатъ уста...
 Въ груди тоска, — сырой свинець.
 Пошли страданьямъ ты конецъ...
 Мой Ангель, дѣва — красота:

Я маюсь день; я ночь несплю...
 Святому образу Христа
 Молюсь, — чтобъ Ангела уста
 Сказали мнѣ: я Вася люблю.

И ябъ воскресъ и всталъ съ одра;
 Забылъ бы тяжкій свой недугъ

Ябъ просвѣтлѣлъ, какъ нѣкій духъ,
Отъ звуковъ чище серебра....

Гортань суха, дрожатъ уста...
Въ груди тоска, — сырой свинець.
Пошли мученью ты конецъ
Младая дѣва — красота!...

М о г и л а .

Баллада.

Во сыромъ бору могила
Съ буйнымъ вѣтромъ говорила:
„Вѣтеръ, ты куда летишь,
Чей ты прахъ, летя, крутишь?“

Вѣтеръ черный крестъ качаетъ
И могила отвѣчаетъ:
„Я до молодца лечу,
Прахъ красавицы кручу.“

Въ небѣ ходятъ сини тучи,
Вьется клубомъ прахъ летучій,
Свищетъ вѣтеръ крестъ трещить
Чу! въ пилу мертвецъ стучить.

Дикимъ звѣремъ вдругъ завыла
Безотрадная могила:
„Вѣтеръ, вѣтеръ, не гуди,
Праха мертвыхъ не буди!“

Ходить мѣсяць, бродячь тучи;
 Вьется клубомъ прахъ летучій;
 И тяжелая плита
 Мертвецомъ приподнята.

Присмирѣла вѣтра сила,
 Разступилася могила,
 И выходитъ, наконецъ,
 Изъ могилы той мертвецъ.

Онъ рукой оледенѣлой,
 Поднялъ къ небу саванъ бѣлой;
 И на впалыя глаза
 Накатилася слеза.

Ходить мѣсяць, бродячь тучи;
 Вьется клубомъ прахъ летучій;
 Стонеть вѣтеръ, боръ гудить;
 Мертвый на небо глядитъ.

Вотъ сорвался саванъ бѣлый,
 Синій трупъ, оледенѣлый,
 Зашатался, застоналъ...
 И, склонясь на крестъ, упалъ....

Прахъ истлѣвшій, въ видѣ пыли,
 Разлетѣлся; и завылл,
 Наклонясь къ сырой землѣ,
 Ели шаткія во мглѣ.

И, какъ облако тумана,
 Долетя до океана,
 Прахъ разсыпался волной
 И былъ пожранъ глубиной. —

Разбойникъ.

Ночь, чернѣ угля съ сажей,
 Надъ окрестностью лежитъ,
 Въ глушь плетется возъ съ поклажей,
 Снѣгъ подъ полозомъ визжитъ.
 Буря сѣрымъ волкомъ воетъ,
 Вьюга порошь въ кудри вьетъ;
 Путь-дорожку, то разроетъ,
 То мятелью занесетъ.
 Дымной пылью сыплетъ иней,
 По опушкѣ лѣсовой,
 Свищетъ вѣтеръ надъ пустыней,
 Стонетъ боръ сороковой *)
 На возу, прикрывшись шубой,
 Сладко дремлетъ мужичекъ.
 „Стой!“ раздался голосъ грубой,
 „Стой!“ и щелкнулъ ужъ курокъ.
 Кто ты? чтобъ тебя раздуло,
 Молвилъ путникъ наконецъ,
 „Деньги! аль сей часъ же дуло
 „Врѣжетъ въ голову свинець!“

*) Сороковой-боръ лѣсъ въ окрестности Пскова

„Не грѣши, побойся Бога,
 „Разойдемся по добру:
 „Аль тебѣ тѣсна дорога,
 „Аль ты набольшой въ бору?“
 „Деньги, чтоли! аль глухой — ты?
 „Слышь, съ тобою говорить“....
 „Денегъ нѣтъ, какой лнхой ты!
 „Потеряешь лишь зарядъ.
 „Чѣмъ тебѣ тутъ поживиться?
 „Я давно оципанъ братъ;
 „Выстрѣлъ къ утру пригодится; —
 Говорю тебѣ добромъ:
 „На зарѣ здѣсь возъ промчится,
 „Въ немъ, двѣ бочки съ серебромъ.“ —
 „Ты не бредишь?“ — нѣтъ, не брежу,
 „Побожусь тебѣ, что да.“
 „Деньги! слышишь, аль зарѣжу...
 „Деньги подавай сюда!“ —
 Смолкнулъ, болѣе ни слова:
 Вынувъ ножъ свой изъ мѣшка,
 Онъ отпирегъ коня гнѣдова
 И напалъ на мужика.

Ночной Ёздокъ.

Баллада.

Надъ безмолвною пустыней
Звёзды яркія горять;
Серебрить пушистый иней
Шаткихъ елей чернѣй рядъ.

Конь, какъ вихоръ торопливый,
Въ даль туманную летить,
Бросивъ косо взоръ пугливый,
Онъ споткнулся и храпнть.

Вотъ слезой огонь надучій
Кануль, слился съ темнотою;
И на край свинцовой тучи
Выпалъ мѣсяцъ золотой!

Дикъ и мраченъ видъ угрюмый
У ночного ёздока,
Дремлетъ, дремлетъ онъ подъ думой,
Поводъ бросила рука.

Надъ безмолвною пустыней
Звёзды яркія горять;
Серебрить пушистый иней
Шаткихъ елей чернѣй рядъ.

Конь, какъ вихоръ торопливый,
Всталь, дичится и храпнть;
Бьетъ копытомъ, машетъ гривой;
Мертвымъ сномъ окрестность спить...

Вотъ, — въ дали нѣмой червѣють, —
Надмогильные кресты;
И, при мѣсяцѣ, яснѣють
Занесенные кусты. —

Что жъ ёздокъ не шевелится,
Что не дастъ онъ шпоръ въ бока?
Искра жизни въ немъ не тлится;
Поводъ бросила рука!

Надъ безмолвною пустыней
Звёзды яркія горять;
Серебрить пушистый иней
Шаткихъ елей чернѣй рядъ. —

Пѣсня Гретхенъ.

(за прѣлкою).

Изъ Фауста.

Я сгубила покой,
Сердцу страхъ тяжело;
Со злодѣйкой тоской
Въ грудь страданье легло.

Гдѣ его нѣтъ со мной,
Тамъ душнѣе могилъ:
Ахъ! мой жребій земной
Для меня опостылъ.

Что свинець, голова
У меня на плечахъ...
Лепечу ли слова, —
Нѣтъ разсудка въ рѣчахъ.

Я сгубила покой,
Сердцу страхъ тяжело;
Со злодѣйкой тоской
Въ грудь страданье легло.

Для него одного,
Я гляжу изъ окна;
Со двора, для него,
Выхожу я одна.

Стройный ходъ его,
Благородный станъ,
Милый взглядъ его
Мнѣ на радость данъ.

Рѣчь его сладка,
Словно говоръ струй;
Лѣта зной, — рука.
Ахъ! его поцѣлуй!...

Я сгубила покой,
Сердцу страхъ тяжело;
Со злодѣйкой тоской
Въ грудь страданье легло.

Грудь моя стѣснена;
Мысль моя далеко:
Съ нимъ летаетъ она;
Унего — ей легко.

Я къ нему полечу;
Разцѣлую его:
Съ нимъ погибнуть хочу
Я, въ объятяхъ его...

Отрывокъ изъ драмы Кочубей.

Искра и Кочубей въ темницѣ.

Вечеръ передъ казнью. Кочубей, сквозь рѣшетку тюремнаго окна, смотритъ на западающее солнце. Искра сидитъ на дубовой скамейкѣ.

Кочубей (бросая прощальный взоръ на Природу).

Ты, колыбель міровъ, — Отчизна
свѣтлой жизни!

Владычица земныхъ племенъ, Природа....
Къ твоей груди прильнулъ я, какъ младенецъ,

Томимый жаждой неземною...

Въ дни ясные невинныхъ наслажденій,
Я невнималъ глухимъ отзываю бурю...
Я презиралъ грозу житейскихъ козней...
Я думалъ, цѣпь небременитъ невинныхъ: —
Но горькой опытъ мнѣ противорѣчить.

Искра.

Горькой Опыт! Горькой Опыт!
 Не слѣнь ли тотъ, кто вѣрить въ
 правду?
 И, гдѣ же Провидѣнье?...
 Когда злодѣй, по произволу,
 Играетъ головою нашей?

Кочубей.

Терпѣнье!....
 Нашъ ропотъ безразсуденъ предъ Все-
 вышнимъ:
 Въ Его дѣсицѣ наша участь!
 Когда земные судьи насъ не слышать: —
 На судъ Его должны мы положиться.
 Что если дверь темницы отопрется?
 И предъ тобой, Небесный вѣстникъ
 Прольетъ фіалъ отрадный избавленья....
 Онъ грудь твою прожжетъ глаголомъ....
 Ты укоришь себя за слабость,
 И молодущія слезами ты несмешь....
 (попная голосъ)
 Мужайся другъ! не вѣкъ влачить намъ
 дѣни! —
 Заутра, мы омоемъ плаху кровью....

Заря освѣтитъ наши трупы....
 Упыется жизнью несытая съкира
 И кончится земное поруганье...
 Мы, страшный мигъ, — навѣчность не-
 ремѣнимъ.

Искра.

Блаженъ, кто въ будущее вѣрить!...
 Но для меня, нѣтъ ничего за гробомъ.
 Мнѣ жизнь еще не надоѣла;
 Хотя и суровъ мой жребій. —
 Быть жертвой палача ужасно...
 На плахѣ роковой, запятнаной позоромъ,
 Склониться подъ топоръ холодной?...
 Передъ лицомъ бездушнаго народа,
 Быть жертвой адскихъ посмѣяній;
 Насытить взоръ убійцы кровью?...
 И наконецъ, проклясть свое существо-
 ванье...
 О! это гибельнѣе всякой смерти....

Кочубей.

Но если мы невинны?...
 Но если мы, наденемъ нашимъ,
 Откроемъ взоръ всему народу?

Но если мы сорвемъ свинцовую завѣсу,
Съ Царева сердца?...

И правда выглянетъ изъ ложныхъ мраковъ,
Какъ молодое утро. —

Ужели мы умремъ, для памяти народной?
Утѣшься, другъ! Жизньъ, полную скор-
бей,

Смѣнить на радостную Вѣчность, —
Нетоли же, — что погасить свѣтильникъ,
Передъ живымъ разсвѣтомъ?

Вечеръ: Могила Искры и Кочубея,

облтая багряными лучами, заходящаго солнца,
подъ серебристою тополю на могильномъ камнѣ
сидитъ блѣдная, какъ мертвецъ, съ распущен-
ными волосами, въ бѣлой одеждѣ, безумная Ма-
рiя, дочь казнѣнаго Кочубея.

Марiя (послѣ глубокой задумчивости одна).

Въ прекрасномъ мiрѣ все живетъ,
Все дышетъ непонятной тайной:
И небо, для живыхъ созданий,
Льетъ радость изъ сапѣрной чаши:
Оно, какъ мать о страждущемъ младенцѣ, —
Печется о Землѣ и о былинкѣ каждой.
Лишь я, отверженная небомъ,
Лишь я, мертвецъ въ цѣпи живущихъ,
Блуждаю по землѣ, какъ сирая комета...
Я, страшно умерла... для Свѣта!...

(пошизивъ голосъ.)

Вчера, я, въ полдень знойный, —
Вошла подъ кровъ Украинца убогой....
Меня томилъ и зной и голодъ....

И мнѣ, какъ странницѣ, обѣдъ былъ
поданъ скудный.

Но... какъ ниголодна была я...

Лишь стала подносить, къ устамъ моимъ
засохшимъ,

Кусокъ простаго хлѣба....

Я вспомнила, сквозь сонъ туманный,

Тебя, твой домъ, Родитель!....

Тотъ домъ, гдѣ я выросла, гдѣ я вкушала
радость..

И слезы крупныя, смочили хлѣбъ насущ-
ный;

И сыта была отъ этихъ слезъ горючихъ...

Я волю имъ дала... и градомъ упавая,

На грудь мою, увядшую отъ скорби, —

Они просасывались въ сердце:

Своимъ огнемъ неугасимымъ, —

Въ немъ растворяли раны;

И я въ глубокую безчувственность впа-
дала....

И день и ночь... земля.... и небо.....

И смерть... и жизнь... и время... и
пространство...

Сливалось все, въ какую то нестрой-
ность...

Въ какой-то непонятный Хаосъ...

Въ какой-то Океанъ тумана....

Гдѣ... вся природа исчезала

И гдѣ товила Вѣчность... и забвенье.

Забвенье тихое, какъ сладкій сонъ
могилы,

Лежало на выбяхе превратности не связ-
ной.....

И я неслась... куда?... не знаю.....

Терялась въ безднахъ черной ночи....

Мнѣ было душно... истребленье,

Своимъ дыханіемъ меня уже палило;

Я думала погибнуть не возвратно...

Какой-то духъ шепталъ мнѣ:

Пришелъ конецъ твоимъ страданьямъ!....

И робкая душа моя торжествовала;

Но ахъ! я снова приходила въ чувство,

Какъ ото-сна, я снова пробуждалась,

Чтобы страдать... и клясть сущест-
вованье....

(обращая взоръ на западающее солнце.)

Но вотъ, уже мертвъѣтъ западъ; —

Лампада пламенной денницы —

Скатилась съ голубой долины —

И гаснетъ за дремучимъ боромъ....

Послѣдній лучъ, какъ поцѣлуй проща-
льный, —

На умирающемъ страдальцѣ, холодееть.

Кровавая заря, на небосклонѣ,

Усталому творенью

Шлетъ сладкую надежду — на свиданье....

Великолѣпная картина мірозданья!..

Свѣтильникъ пламенный, источникъ жиз-
ни солнце!...

Ты, снова, въ голубомъ твоемъ нетлѣнномъ
храмѣ,

Какъ сердце въ молодой груди, забьешься
жизнью;

Разбудишь снова ты усталое творенье;

Но, можетъ быть, меня ты солнце не
разбудишь.

З В Ъ З Д Ы.

Звѣзды, искорки святые,
Звѣзды, зерна золотые —
На лазурномъ Неба днѣ.
Кто, рукою изъ Эфира, —
На сапѣирный черепъ міра,
Васъ разсыпалъ въ глубинѣ?
Дщери пламенной денницы!
Кто соткалъ вамъ багряницы?
Кто васъ бросилъ въ Океанъ?
Хоръ вашъ ясный, хоръ летучій,
Застилаютъ часто тучи,
И на васъ лежитъ туманъ;
Но когда во мглѣ, нестрѣя,
Вы, лампы Эмирая,
Защелкаете свѣтло,
Какъ младенецъ, наше око
Смотритъ робко и высоко
На небесное чело. —

Ты незабудка полевая,
 Простой лазеревой цвѣтокъ:
 Моей души душа живая!
 Ты неба моего — востокъ!
 Ты рай, ты солнце безъ заката!
 Ты мнѣ дороже серебра. —
 Люблю тебя, любовью брата...
 Люби меня ты, какъ сестра.
 Не разъ крошила ты слезою,
 Суровой жизни скудный путь.
 Какъ роза смятая грозою,
 Приди, склонись ко мнѣ на грудь. —
 И я гонимъ моею судьбою, —
 Подъ бурей бѣды и я стоялъ...
 Отраднo будетъ мнѣ съ тобою, —
 Дошить недошитый фиалъ.

Какъ листь, подъ осень, пожелтъ-
 льый,
 Зброшенъ вихрями въ глуши:
 Гляжу на свѣтъ осиротѣльый,
 И нѣтъ отрады для души.

Какъ даль пустыни ледяная,
 Какъ почъ безлунная, зимой:

Мнѣ опостыла жизнь земная;
 Мнѣ опротивѣлъ жребій мой.

Одна звѣзда, во тмѣ, свѣтилась,
 Лучемъ играя въ вышинѣ;
 Но и она ужъ закатилась,
 Но и она не свѣтитъ мнѣ.

Шумить осеннее ненастье, —
 Надъ безутѣшной головой:
 Прошло, какъ сонъ, бывшее счастье;
 На грудь легъ холодъ гробовой.

Она не вѣрна мнѣ, она измѣнила;
 И совѣсть и Бога она позабыла?...
 Такъ, злобой упившись, далеко отъ ней,
 Я жизнь проклинаю и небо злословлю...
 И мечь, въ тишинѣ, для нее я готовлю...
 Отраву... Безумецъ! за чтоже? Богъ съ
 ней!..

Кто чувствами сердца и клятвой играетъ —
 Тебѣ не вредить онъ, себя онъ караетъ;
 Она не пойметъ малодушныхъ утрозъ:
 На сердце, разбитое бурей страданій,

На взоръ твой потухшій, на боль воз-
дыханій,

На перлы святые страдальческихъ слезъ
Она засмѣется, она захочетъ;
Не слезъ и страданій, а крови захочетъ.
Кто слабостью гордость въ женѣ про-
будиль:

Она, тѣхъ, надъ страшною пропастью
носить;

И кознями жизни, безсовѣстно, просить
Хочетъ и плачетъ... она крокодилъ.

Въ твои увядшія уста,
Отрава яда пролита;
Обманъ и зло въ твоихъ рѣчахъ
Въ твоихъ пронзительныхъ очахъ
Горятъ два адскіе огня...
Оставь меня.... Оставь меня!...

Въ твоей груди смола кипитъ, —
Душа мертва и совѣсть спитъ:
Не можешь ты понять добра.
Честь цѣнишь горстью серебра;
Ты любишь ночь, — бѣжишь ты дня:
Оставь меня... Оставь меня!...

Я отъ любви твоей иссохъ...
О проклять будь твой страшный вздохъ!
И поцѣлуй, клеймо стыда,
Да будетъ проклять на всегда.
И токомъ злыхъ, притворныхъ слезъ —
Пусть тронется иссохшій лѣсъ;
А я молю тебя стѣня,
Оставь меня... Оставь меня!...

Черный день.

День мой черный, день ненастный!...
 Ах! зачѣмъ ты ночь смѣнилъ?
 Не съ тобоюль, день ужасный,
 Я дни ясны скоронилъ?...

Было время, грудь не знала,
 Ни страданій, ни тоски:
 И душа нетронулась, —
 Отъ привѣтливой руки.

Неносились черны думы,
 Надъ кипучей головой:
 Свѣтель былъ, мой взоръ угрюмый,
 До минуты роковой.

Рано, жизнь во мнѣ развилась,
 И любовь въ груди загла:
 Рано, горестъ пробудилась,
 И всю душу потрясла. —

Дышетъ осенью ненастной, —
 Сердце сжатое грозой....
 День мой черный, день ужасный...
 Ты мой взоръ затмилъ слезой.

Ревнивый ядъ кипитъ въ крови;
 Я дикъ, суровъ въ моей любви;
 Но жалость къ слабости храня,
 Молю тебя забудь меня!...

Обманъ людей и твой обманъ,
 На разумъ навели туманъ:
 И нѣтъ къ вамъ вѣры у меня...
 Молю тебя: забудь меня!

Твоя душа рѣзва, легка:
 Въ моей душѣ — свинецъ — тоска,
 Въ ней волны буйнаго огня;
 Молю тебя: забудь меня!

Безумный жаръ кипитъ въ крови,
 Я дикъ, суровъ въ моей любви;
 Но искру жалости храня,
 Молю тебя, прости меня.

Моя звѣзда.

Въ ночь, подъ тучей зажглась и въ
 туманъ облеклась,
 Дочь небесъ, ты звѣзда серебристая!...
 Въ переливахъ дробясь и на мгду по-
 катясь,
 Ты тонула въ безбрежьи лучистая!
 Чуть видна и тускла, ты, блѣднѣя, пыла.
 Подъ ревущей грозой безотрадная:
 Не свѣтла ты была, но ты лучъ пролила
 Въ безутьшность души ненаглядная!...
 На бездонность пучинъ свой отбросивъ
 рубинъ
 И сафиръ проясня, ты манила меня
 Къ высотамъ, гдѣ съ мѣрами кинитъ Океанъ
 Я помчался бѣ туда, золотая звѣзда.
 Но, ту даль застилаетъ свинцовый ту-
 манъ.

Отрывокъ изъ сказки.

Три Царицы въ золотомъ челнокѣ,
 съ золотыми веслами на морѣ.

Море стонетъ, море плещетъ,
 Въ берегахъ своихъ крутыхъ:
 Парусъ подъ вѣтромъ трепещетъ: —
 Челнъ скользитъ въ волнахъ густыхъ.

Мѣсяцъ круглый, мѣсяцъ ясный —
 За горою потонулъ;
 И востокъ синеатласный
 Свѣтомъ на землю плеснулъ.

Озлативъ зарей курганы,
 Бросилъ утро на поля;
 Снялъ съ долинъ и роцъ туманы, —
 И проснулася земля.

Вотъ и солнце огневое,
 Растопивъ лучи свои:
 Одѣяло парчевое
 Разостлало на струи.

И прекрасныя Царицы
 Моря грудь, дробя весломъ, —
 По волнамъ летять, какъ птицы
 Золотымъ свистя крыломъ.

Пучина темная, земныхъ твоихъ дѣ-
 ній —

Въ рукѣ у промысла святаго на вѣсахъ.
 Земля въ грѣхѣ, — полна неправыхъ
 воздаяній:

Терни: есть правый судъ для всѣхъ на
 небесахъ.

Предъ черной чашей золь, гоненій;
 истязаній, —

На томъ судѣ сгорить отъ совѣсти твой
 врагъ:

И въ свѣтлой чашѣ слезъ и тяжкихъ
 воздыханій

Потопишь ты свои грѣхи — въ его
 грѣхахъ.

Сказка о Ракѣ Царевичѣ.

На востокѣ, въ славномъ Царствѣ,
 Въ Гиндостанскомъ Государствѣ,
 Въ многолюдномъ городкѣ,
 Отъ Дворца не въ далежѣ,
 Противъ самыхъ оконъ Хана,
 Гиндостанскаго Султана,
 Обнесенная плетнемъ,
 Возвышалася избушка:
 Въ ней жила одна старушка.
 Устарушки той, огнѣмъ
 Вызженъ дворъ и крыша клетки.
 И, какъ сказываютъ: плети
 Несхватила чутъ сама
 Отъ лихихъ Сатраповъ Хана,
 Гиндостанскаго Султана,
 За пожаръ; что бѣ безъ ума
 Непалила всилошь лучины;
 И не дѣлала бѣ кручины

Ни себѣ и ни никому,
 Паче Хану своему.
 Ну, да дѣло-то не въ этомъ;
 То случилось знойнымъ лѣтомъ, —
 Да и съ лѣтомъ же прошло:
 Дѣло — то на сказку шло,
 Такъ и кончено будь сказкой.
 По широкой, мостовой,
 По дорожкѣ столбовой, —
 По камнямъ, въ бричкѣ тряской,
 Ёдетъ парень молодой,
 Съ раскравицей сѣдой;
 И коляска за коляской,
 Богъ-вѣсть, катятся куда?
 Это присказка въ сей сказкѣ,
 Словно барыня въ коляскѣ,
 А вотъ сказка Господа. —

Такъ начнемъ же мы съ избушки;
 Незабудемъ и старушки;
 Тамъ отъ Рака молодца, —
 Недалеко до Дворца, —
 До хрустальныхъ оконъ Хана,
 Гиндостанскаго Султана.

Въ свѣтлый теремъ мы войдемъ,
 Рѣчь о свадьбѣ поведемъ. —

Ну, такъ слушать сказку просимъ:
 Лѣтъ, тому ужъ тысячь восемь.
 На земаѣ, не на лунѣ,
 Въ Гиндостанской сторонѣ,
 Противъ самыхъ оконъ Хана,
 Гиндостанскаго Султана,
 Обнесенная плетнемъ,
 Возвышалася избушка.
 Въ ней жила одна старушка;
 Передъ ней шель день за днемъ,
 Какъ лѣнивый школьникъ въ школу.
 Скудень лицаго покой;
 Былъ бы только хлѣбъ какой, —
 Да похлѣбка изъ рассолу;
 Бокъ его, хотъ камень третъ;
 Но онъ радъ, что не умретъ:
 Жизнь, разумная сиротка,
 Голодъ злой — для ней не тѣтка.
 Вотъ въ чемъ вся бѣда моя,
 Говорю нескладно я! —
 Описать хочу избушку,
 А толкую про старушку;

Такъ оно, — да все не то.
 Слушайте же дальше что?...
 У избушки у знакомой,
 Крыша крытая соломой
 По соломя, мохъ съдой —
 Распустился бородой.
 Стѣны подперты колами;
 Съ виду, такъ она вѣтха,
 Что мы скажемъ безъ грѣха: —
 Некрасна изба углами.
 Время грызло тѣ углы,
 Чуть не хуже злой пилы.
 Такъ была она снаружи,
 А внутри и въ трое хуже.
 Кто, какъ хочеть: вѣрь, не вѣрь;
 Все равно мнѣ; только дверь,
 Перевитая мочалой,
 На петляхъ, при самой малой
 Не погодѣ, съ вѣтеркомъ, —
 Врознь ползла и съ косякомъ.

Мать лишь ноченька заходитъ:
 Въ эту дверь легонько входитъ,
 Подпираясь костылемъ, —
 Старушенка съ кошелемъ;
 Доберется лишь до печи,

Тронеть звонкую заслонь:
 Вспыхнетъ, самъ собой, огонь —
 И въ углу затеплитъ свѣчи.
 Что же? — ночь всю на пролетъ —
 Отъ заката, до разсвѣта,
 Въ той избѣ, старушка эта,
 Ни на волосъ не уснетъ.
 На колѣнахъ, слезно, плачетъ:
 Взоръ вперя въ небеса, —
 Рветъ съдые волоса;
 Страшно въ грудь себя тухмачеть;
 Молить: „Брама дай сынка!
 Хоть котенка, хоть щенка,
 Призри бѣдную старушку: —
 Брось въ окно мнѣ, хоть лягушку. —
 Мною бѣдной соткана —
 Золотая пелена,
 Серебромъ сорочки шиты,
 Поясь, — жемчугъ перевитый;
 Въ крупныхъ яхонтахъ купель
 И въ алмазахъ колыбель.
 Жизнь я съ радостью оставлю
 И пойду, хоть въ самый Адъ;
 Но пошли мнѣ Брама чадъ:
 Сердце въ медь для нихъ расплавлю;

День и ночь не буду спать,
 Все ихъ буду потѣшать.
 Только рѣчь ея скончалась;
 Вдругъ избушка закачалась:
 Подъ окномъ и подъ стѣной,
 Стукъ!.. рукою костяной...
 Стукъ, стукъ, стукъ и застонало...
 Глядь, старушка, на окно;
 Подъ окномъ тѣмъ полотно —
 Буйнымъ вѣтромъ раздувало.

Страшенъ стонъ былъ мертвеца;
 Смертью вѣяло съ лица;
 А глаза, мутнѣ мрака,
 Были вверхъ устремлены, —
 И уста растворены.
 Вдругъ въ окно онъ бросилъ рака:
 Дико самъ захохоталъ....
 И рукой окостенѣлой,
 Завернувшись въ саванъ бѣлой:
 Съѣлъ на вихорь, засвисталъ..
 И со всей, что было, силы —
 Онъ помчался до могилы.
 Тамъ уснулъ онъ крѣпкимъ сномъ —
 Въ тѣсномъ домѣ земляномъ. —

- То — то радости старушкѣ!
 Ракъ гуляетъ по избушкѣ.
 Ходитъ взадъ онъ и впередъ —
 По истертой половницѣ:
 Ночь ужъ клонится къ денницѣ.....
 И старушка вотъ беретъ
 Рака, нѣжно целенаетъ;
 Вноситъ мягкую постель,
 И, убравши колыбель, —
 Рака спать кладетъ, качаетъ:
 И, цѣлуя припѣваетъ:
 Спи, малютка, почивай:
 Свѣтлыхъ глазъ не открывай.
 Спи сынокъ ты мой прекрасный,
 Вотъ настанетъ полдень ясный,
 Ты откроешь милый взоръ,
 Выдешь погулять на дворъ;
 И на солнце золотое,
 И на небо голубое,
 Налюбуешься тогда:
 Спи въ алмазной колыбели;
 А проснешься, такъ въ купели
 Есть хрустальная вода:
 Та вода, бальзамъ отъ зною,
 Спи подъ свѣтлой целеною....

Ракъ подь пѣснею вздремнулъ,
 Повернулся и заснулъ;
 А старушка, знай, качается;
 Да, ту пѣсню припѣваетъ. —

Словно огненный потокъ,
 Въ небѣ волны разстилаетъ:
 Такъ заря вдали пылаетъ,
 Опоясавши востокъ.
 Вотъ ужъ утро молодое —
 Катить — солнце золотое,
 По долину голубой.
 Вотъ и день живой, румяный,
 Надъ землею, разбивъ туманы,
 Жизнь выводитъ за собой:
 Ракъ же, сладкой сонъ вкушаетъ;
 И старушка не мѣшаетъ.
 Знай: качается да поетъ
 Да, ворту, табакъ жуетъ.

Вотъ и полдень тихій, ясный,
 Словно молодецъ прекрасный,
 Въ чистомъ небѣ заблесталъ;
 Ракъ, въ просонкахъ, протянулся;
 Протеревъ глаза, очнулся;

И пеленки разметалъ.
 Всползъ на мягкую подушку
 И, увидѣвши старушку: —
 „Здраствуй бабушка! сказала.
 Прежде, нежели я встану;
 Ты сходи къ Царю Султану:
 Возвѣсти ему ты вѣсть,
 Что въ твоей избушкѣ есть....
 То есть, ты скажи резонно;
 Чтобъ онъ принялъ, благосклонно.
 Мой поклонъ и мой привѣтъ....
 Братъ, по стали, по булатной,
 Онъ Султанъ и Баринъ знатной
 Собираетъ пусть совѣтъ:
 Хоть онъ гнѣвнень, аль не гнѣвнень;
 Но онъ долженъ трехъ царевнень
 Мнѣ представить на показъ.
 Ты иди туда сей часъ; —
 Мы назадъ-де непонятимъ
 Да, я буду Царскимъ зятемъ.“

Охъ! дитя мое дитя! —
 Ты еще не знаешь свѣта
 Не про насъ затѣя эта.
 Къ Хану ѣздить, нешутя,

Свататься Князья съ Царями;
 Короли съ Боготырями:
 Никому не по плечу,
 Видишь ли, Царевны эти;
 Лучше ихъ, вѣдь нѣтъ на свѣтѣ.

О! такъ я ихъ проучу:
 Пусть-чего не разумѣемъ, —
 Сбить-то спѣсь мы съ нихъ умѣемъ.
 Нѣтъ вѣдь я ужъ не дитя. —
 Ракъ свой усь кольцомъ крутя,
 Гайкнуль, въ сердцѣ, на старушку —
 Такъ, что вѣтхую избушку,
 Въ основаніи, потрясъ.
 И старушка, въ тотъ же часъ,
 На востокъ оборотилась;
 Низко солнцу поклонилась,
 Взявъ кошель свой и костыль,
 Пробралась на дворъ, сквозь ниль;
 И, тая въ душѣ тревогу,
 Вышла тихо на дорогу, —
 Прямо, что ведетъ къ Дворцу,
 Ко хрустальнымъ окнамъ Хана,
 Гиндостанскаго Султана.
 По чугуниному крыльцу,

Царь Султанъ, съ Пашей, гуляя,
 И старушку примѣчая,
 Подозвать ее велить;
 Самъ, умаявшись отъ лѣни,
 На чугунные ступени,
 Съѣлъ, и такъ ей говорить:
 „Слушай ты, карга съдая;
 „Что, тебя, бѣда какая;
 „Аль какое, можетъ, зло —
 „Къ нашимъ окнамъ занесло?
 „Говори, небойся, смѣло —
 „Я, авось, поправлю дѣло!“
 И старушка предъ Царемъ,
 Ну отвѣшивать поклоны. —
 „Государь ты нашъ законный!
 „Вотъ мое все дѣло въ чемъ!
 „Предъ твои, предъ ясны очи,
 „Не обманъ несу не лесть,
 „А не слыханную вѣсть...
 „Брама мнѣ, во время ночи,
 „Даль на старости сынка.
 „Нѣтъ на немъ людскаго зрака;
 „Съ виду, онъ похожъ на рака;
 „Но душа въ немъ велика;
 „Взоръ и голосъ человѣчій!“

На старушкины, на рѣчи,
 Нѣтъ у Хана языка:
 Онъ съ Пашей надъ ней хохочеть
 И ее прогнать ужъ хочетъ.
 „Пораздумай-ко сама,
 „Не сошла-ли ты съ ума,“
 Говорить ей на послѣдокъ.
 „Ужъ не ракъ ли былъ твой предокъ, —
 „Что ты рака родила! —
 „Впрядь тебя, съ такою вѣстью,
 „Запороть велю я бѣстью.
 „Что ты? дурака нашла?
 „Да и какъ ты только смѣла
 „Приходить сюда безъ дѣла?“ —
 Молвилъ старушенкѣ Царь,
 Стороны той Государь.
 „Уберись, пока ты цѣла,
 „Съ этимъ вздоромъ, сей же часъ —
 „Къ чорту, въ омутъ, съ Ханскихъ
 глазъ!“ —

Рѣчь такая бы отвѣла
 У Сатрана красный носъ;
 Но старушка не сробѣла
 Отъ Султановыхъ угрозъ.
 Предъ великимъ, передъ Ханомъ,
 Носъ прочистя сарафаномъ,

Отвѣчала такъ ему,
 Государю своему:
 — „На клочкѣ земли убогомъ,
 Ханъ! мы ходимъ всѣ подъ Богомъ.
 Отъ земли и до небесъ,
 Неизчислить всѣхъ чудесъ!
 Чуда нѣтъ, что ты старуху
 Задавить велишь какъ муху! —
 Но позволь-ко мнѣ присѣсть
 Да мою домолвить вѣсть.
 Ханъ великій! Царь коронный!
 Сынъ мой кровный, сынъ законный,
 Какъ изволилъ почивать,
 Вотъ изволилъ что сказать:
 „Преждѣ, нежели я встану;
 „Ты сходи къ Царю Султану:
 „Возвѣсти ему ты вѣсть, —
 „Что въ твоей избушкѣ есть . . . .
 „То есть; ты скажи резонно,
 „Чтобъ онъ принялъ, благосклонно,
 „Мой поклонъ мой привѣтъ.
 „Братъ по стали, по булатной,
 „Онъ Султанъ и баринъ знатной —
 „Собираетъ пусть совѣтъ.
 „Хоть онъ гнѣвенъ, аль негнѣвенъ;

„Но онъ должнъ трехъ Царевнѣ
 „Мнѣ представить на показъ:“
 Тутъ и весь его наказъ;
 Мы назадъ-де непопятимъ;
 Онъ твоимъ быть хочеть затымъ;
 Мы отвѣта ждемъ отъ Васъ:“

Отъ наказа, отъ такова,
 Царь старушкѣ, ни полслова,
 Поперегъ произнесъ.
 Наконецъ, прочистя носъ;
 По обычаю Востока,
 Онъ велѣлъ призвать Пророка:
 Съ нимъ, окончивши Совѣтъ,
 Даль, старушкѣ той, — отвѣтъ:
 „Такъ отпавься же ты къ сыну,
 Къ чуду — раку, Господину,
 Не забудь сказать ему,
 Чуду, чаду своему,
 Чтобы онъ, ракъ неваренный,
 Показалъ свой умъ мудреной;
 Сроку дамъ ему три дня:
 Пусть онъ, ночью, для меня
 Выстроитъ хрустальный теремъ:
 Такъ, тогда мы замъ повѣримъ.

Да, въ подарокъ для Царя,
 Мостъ скуеть изъ янтари;
 Да, коли ужъ хватитъ силы,
 Для моста того перилы,
 Пусть, изъ золота сольѣтъ,
 Крунымъ яхонтомъ обѣтъ;
 Такъ моимъ онъ будетъ затымъ;
 А не то, его мы схватимъ,
 И судья намъ будъ Востокъ, —
 Пустимъ плавать въ кипятокъ.
 Тамъ, въ водѣ раскипяченой,
 Скинетъ панцырь вороненой;
 Не зазнается впередъ,
 Передъ Ханами уродъ,
 Въ тѣлогрѣйкѣ пурпуровой!“
 Рѣчь кончая: Ханъ суровой —
 Вытеръ потъ платкомъ съ лица,
 И въ покой пошелъ съ крыльца.
 Поклонившись въ солнцѣ Богу
 И старушка въ путь, дорогу,
 Къ дому, съ ропотомъ пошла;
 На костыль свой опираясь,
 До избушки добираясь,
 Кое-какъ она дошла —
 До хоромины чудесной:

Охъ!... ты Царь ты мой небесный!
 Что мнѣ дѣлать, сиротѣ,
 Въ злополучной нищетѣ?
 Охъ! ты доля, доля злая!
 Видно, матушка родная
 Родила меня на свѣтъ,
 Для однихъ для горькихъ бѣдъ!
 И, закашлявшись, къ порогу,
 Подвигалась по немногу.
 На порогъ ракъ сидитъ,
 И на солнышко глядитъ;
 А оно-то, золотое, —
 Все ужъ небо голубое
 Надъ землею, обошло, —
 И сіяло, на закатъ,
 Въ янтарѣ, въ живомъ агатѣ,
 Словно круглое жерло —
 И за горы тихо скрылось....
 У старушки сильно билось
 Сердце Сжатое тоской....
 Рака, дряхлою рукой,
 Потрепавъ по крѣпкой спинкѣ:
 Что мнѣ дѣлать сиротникѣ?
 Передъ нимъ произнесла.
 У Царя, мой сынъ, у Хана,

Гиндостанскаго Султана,
 Я подъ окнами была.
 Онъ отъ нѣги и отъ лѣни,
 На чугунныя ступени —
 Со своимъ Пашею сѣлъ,
 И меня позвать велѣлъ:
 Я повѣдала резонно,
 Передъ нимъ, чтобъ благосклонно
 Выслушалъ онъ твой привѣтъ;
 И скорѣй! собралъ Совѣтъ...
 Онъ, какъ мѣсяцъ въ небѣ, ясенъ, —
 На твою на рѣчь согласенъ;
 Но, съ условіемъ такимъ,
 Что не быть тебѣ живымъ. —
 По обычаю Востока,
 Онъ велѣлъ призвать Пророка;
 Съ нимъ, окончивши совѣтъ,
 Вотъ какой онъ далъ отвѣтъ:
 „Такъ отправься же ты къ сыну,
 Къ чуду — Раку, Господину;
 Не забудь сказать ему,
 Чуду, чаду своему:
 Чтобы онъ, ракъ невареной,
 Показалъ свой умъ мудреной.
 Сроку дамъ ему три дня:

Пусть онъ, ночью, для меня,
 Выстроитъ хрустальный теремъ;
 Такъ тогда мы Вамъ повѣримъ.
 Да, въ подарокъ, для Царя,
 Мостъ скуеть изъ янтара.
 Да, коли-ужь хватитъ силы, —
 Для моста того перилы
 Пусть изъ золота солбеть,
 Крупнымъ яхонтомъ обьеть.
 Такъ, моимъ онъ будетъ зятемъ;
 А не то, его мы схватимъ
 И судья намъ будъ востокъ,
 Пустимъ плавать въ кишатокъ.“
 Тутъ старушка рака просить;
 Слезно вопить и голосить,
 Чтобы вздоръ онъ отложилъ
 И спокойно съ нею жилъ.
 Гмъ! Гмъ! притча не смѣшная;
 Непечалься ты родная,
 Ракъ, на это, молвилъ ей.
 Утро ночи мудренѣй.
 Богъ нашъ щить и наша крѣпость:
 Ханскій умыселъ — нелѣпость!
 Спи, до завтрашняго дня,
 Тамъ узнаеть Ханъ меня....

Между тѣмъ, какъ въ сонъ обычной,
 На лежанкѣ, на кирпичной,
 Погружалася карга;
 Въ размышленіи глубокомъ,
 Ракъ водилъ, по печкѣ окомъ,
 И плясала кочерга.
 Черedomъ своимъ, ухваты
 Размышляли; — мы ль не хваты?
 Свѣтъ посадимъ на рога.
 Вѣдь горшки, то какъ подхватимъ,
 Не внесемъ мы въ печь, а вкатимъ:
 Въ слѣдъ за ними, помѣло
 Въ гору вздоръ свой понесло.

На небесной, на полянѣ,
 Шаръ серебряный, въ туманѣ,
 Словно пролитый фіалъ, —
 Надъ землею засіялъ.
 Это, онъ, красавецъ ночи,
 Черезъ тучи, что есть мочи,
 На эфирномъ, на конѣ —
 Мчится мѣсяцъ въ глубинѣ.
 Закачась за черны тучи,
 Въ мглу онъ топить лѣсъ дремучій,
 То, какъ дѣвицы любовь,

Изъ за тучи, за свинцовой,
 Проливая свѣтъ перловый,
 Ткетъ серебряный покровъ.
 Но, сокройся мѣсяцъ въ мракъ:
 На тернистомъ, на пути,
 Мнѣ порою ты свѣти;
 Рѣчь теперь идетъ о ракъ.
 Ракъ Царевичъ, помоги!
 Сказку досказать: — дай силы!
 Ночь тиха, какъ сонъ могилы;
 Теметь, ну невидно зги.
 Иль, какъ говорятъ по проще,
 Чада русской-то земли:
 Ночь темна, — хоть въ глазъ коли.
 Что же Ракъ? Онъ въ частой рошѣ,
 Что надъ озеромъ стоитъ
 И на волны-то глядитъ....
 Взадъ впередъ, по ней гуляеть,
 И, съ присвистомъ, прищваетъ:
 Эй, вы, раки, Господа,
 Собирайтесь сюда.
 Да несите-ка съ собою
 Яхонтъ, золото, янтарь.
 Я Царевичъ Ракъ, вашъ Царь!
 Вотъ, ползуть содна, гурьбою,

Разбивая, тра-ра-ра,
 Цѣховыя мастера. —
 „Мы явились, — что прикажешь,
 Все сготовимъ, что не-скажешь?“
 — Теремъ строй изъ хрустала,
 Чтобъ дивилась вся земля:
 Только живо, только духомъ,
 А не то, я васъ обухомъ;
 Да, въ подарокъ для Царя,
 Куйте мостъ изъ янтаря.
 Да, изъ золота перилы;
 А не то, желѣзной вилы
 Будеть мало мнѣ для васъ;
 За работу всѣ сей часъ!
 Стукъ! подъ царское всѣ слово:
 Теремъ; мостъ, — и все готово!
 Ну, — чтобъ мнѣ васъ не побить
 Мостъ весь яхонтомъ обить —
 И катить къ покоямъ Хана
 Гидостанскаго Султана.

Надъ далекой цѣпью горъ,
 Алмадинъ — переливая,
 Вышла зорняка живая —
 Посмотрѣть на Ханскій дворъ.

На площадкѣ, на дворцовой,
 Мостикъ свѣтлый, мостикъ новыи,
 Слитый весь изъ янтара, —
 Крупнымъ яхонтомъ обитый,
 Краснымъ бархотомъ покрытый, —
 Въ окна, грознаго Царя,
 Гибкой змѣйкой перегнулся,
 И далеко протянулся,
 На столбахъ изъ хрустала,
 Чтобъ дивилась вся земля.

Золотыя то перилы,
 Изъ алмаза крокодилы
 Держать на крутой спинѣ;
 По хрустальной по стѣнѣ,
 Къ довершенью, видно, чуда,
 Вьется плющъ изъ изумруда.
 У серебряныхъ воротъ,
 День и ночь, стоитъ народъ;
 На широкомъ на просторѣ,
 Онъ кипитъ, какъ волны въ морѣ.
 Только солнышко взойдетъ,
 И въ хрусталь лучи потопитъ:
 Чернь, какъ боръ въ грозу, завопитъ
 И къ дворцу гулять поидетъ.

Не одинъ дуракъ ученый,
 Съ головою не мудреной,
 Подпирая лобъ перстомъ,
 Думалъ думу надъ мостомъ.
 Мудрецы и Астраномы,
 Видя чудныя хоромы,
 Толковали вслухъ: — ктобъ могъ?
 Этотъ выстроитъ чертогъ.

Ханъ, въ покояхъ отдаленныхъ,
 Утопая въ снахъ блаженныхъ,
 Въ бранной, Царской эпанчѣ, —
 Спалъ на роскошной парчѣ:
 И того, совсѣмъ не вѣдалъ,
 Что Царевичъ ракъ обѣдалъ,
 Не въ избушкѣ, — во дворцѣ,
 На хрустальномъ на крыльцѣ.
 Передъ нимъ, — въ хрустальномъ блюдѣ,
 Виноградъ на изумрудѣ
 Былъ насыпанъ, какъ рубинъ.
 На столѣ, напитоковъ, винъ —
 Тма вокругъ его стояла.
 Въ глубь янтарнаго фѣала,
 То и знай лишь онъ цѣдаль,
 Да прикраквивая пилъ. —

Изъ за скатерти, за браной,
 Приподнявшись, полупьяный
 Вытеръ, съ важностью, усы —
 И велѣлъ подать часы.
 Нехочу я быть проворой.
 Былъ, въ ту пору, часъ которой, —
 Ракъ Царевичъ, самъ велѣ счетъ.
 Мнѣ признаться надоѣло;
 Время знать не наше дѣло.
 Ракъ на блюдо-самоходъ
 Съѣлъ и крикнулъ, чтобъ народъ
 Передъ нимъ поразступился.
 Самъ стрѣлою въ путь пустился;
 И, какъ легкое зерно,
 Палъ на Ханское окно.
 И не ракомъ и не звѣремъ
 Онъ вошелъ къ Царевнамъ въ теремъ;
 Но предсталъ предъ нихъ, съ лицомъ,
 Чернобровымъ молодцомъ.
 И, дождавшись сладкой встрѣчи,
 О любви завелъ онъ рѣчи;
 Говоря имъ прямо такъ:
 Я Царевичъ славный ракъ,
 Полагаю что Царевны
 Не должны на то быть гнѣвны,

Что удалый молодець,
 Безъ хлопотъ, безъ приглашенья,
 Изъ любви, изъ уваженья.
 Навѣщаетъ вашъ дворець.
 У Царевень отъ привѣта,
 Тайной радости примѣта,
 Жаръ румянецъ загралъ;
 И малиновый коралъ,
 Усть прелестныхъ, змѣйкой зыбкой,
 Шевельнулся подъ улыбкой.
 Очи, сердца красота,
 Улыбнулись, какъ уста.
 Находясь при всемъ при этомъ,
 Словно солнце знойнымъ лѣтомъ,
 Нѣжно ракъ на нихъ взглянулъ,
 И въ догадкахъ потонулъ.
 Тѣ Царевны: волосъ — въ волосъ;
 Обликъ — въ обликъ, голосъ — въ
 голосъ;
 Со звѣздами на челъ.
 Ножки, сжатые чулками,
 Золотыми башмачками,
 Чуть ступали по землѣ.
 Въ станъ ихъ гибкой, въ станъ эфирной,
 Впился поясокъ сафирной.

Голубой ихъ сарафанъ,
 Надъ долиною туманъ.
 По раздумавшись не множко:
 Ракъ Царевичъ, шаркъ ногой!
 Шаркнулъ разъ онъ и другой;
 И стрѣлой взвился въ окошко.
 Что же сталося съ нимъ потомъ?
 Онъ, на блюдѣ золотомъ,
 Что зовется самоходомъ,
 Очутился предъ народомъ.
 И, какъ росу на траву,
 Уронилъ въ народъ молву;
 Что онъ зять законный Хана,
 Гиндостанскаго Султана,
 Что Царевнамъ онъ женихъ. —

Ханъ, какъ Левъ, на рака гнѣвнъ
 Повелѣлъ призвать Царевнъ;
 И спрашиваетъ ихъ:
 Какъ имъ кажется женихъ?
 И Царевны, безъ печали,
 Передъ Ханомъ отвѣчали:
 Что понравился тремъ имъ,
 По рѣчамъ онъ по своимъ.

И назвали рака свѣтскимъ
 По приѣмамъ молодецкимъ.

На другой день, грозный Ханъ
 Собираетъ свой диванъ.
 Голосъ Хана, голосъ Божій:
 Собралися всѣ вельможи
 На таинственный совѣтъ.
 Ханъ хитро ихъ искушаетъ;
 Гордо всѣхъ онъ вопрошаетъ,
 И держать велитъ отвѣтъ.
 Члены свѣтлаго дивана,
 Выполняя волю Хана,
 Отвѣчали такъ ему,
 Государю своему:
 Что напрасно онъ хлопочетъ;
 Пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ —
 Съ этимъ ракомъ, молодцомъ:
 Что святая воля Хана,
 Предъ собраніемъ дивана,
 Солнце надъ земнымъ лицомъ.
 Ханъ, какъ птица въ небѣ, воленъ,
 Былъ диваномъ недоволенъ;
 Отъ досады ошалѣлъ
 И повѣситъ всѣхъ вельмъ.

Самъ, подумавъ на свободѣ,
 Объявилъ при всемъ народѣ:
 Что за утра, назарѣ,
 Будетъ праздникъ при Дворѣ.
 Что онъ Ханъ, какъ солнце, ясенъ,
 Дочерей отдать согласенъ,
 За того, за молодца,
 Кто отъ Ханскаго крыльца,
 Въ удивленіе для міра,
 Мостъ построить изъ сапфира.
 Да на грифовыхъ крылахъ,
 Храмъ, съ главами изъ алмаза,
 Колокольню изъ топаза,
 О семи колоколахъ.
 Вдоль моста, до двери храма,
 Легкой запахъ омиама,
 Кто, дыханьемъ разольетъ.
 На перилахъ изъ сапфира,
 Кто, начертитъ повѣсть міра
 И звѣздами обобьетъ . . . .
 Кто могучими словами,
 Мостъ украситъ деревьями
 Отъ дворца, до олтора.
 Кто, поѣдетъ, какъ, вѣнчаться, —
 Будетъ зелень распускаться,

Изумрудами горя:
 При свершеніи обряда,
 Цвѣтъ и кисти винограда
 Все пусть рдѣтъ и цвѣтетъ;
 А когда изъ храма выдемъ,
 Пусть созрѣлымъ все увидимъ —
 И раскусимъ сладкой плодъ.
 Рѣчь кончая, Ханъ могучій,
 Отвернулся и, какъ тучи,
 Разошелся весь народъ.

Тихій, вечеръ сѣнны очи
 Погружая въ дрему ночи,
 Въ сладкихъ грезахъ потонулъ;
 Словно лебедь надъ водами,
 Съ неба, — мѣсяць со звѣздами,
 Свѣтомъ на землю плеснулъ;
 Серебромъ осыпавъ воды,
 Пронилъ сонъ на грудь природы,
 И потекъ своимъ путемъ,
 По лазуревому скату,
 Отъ востока онъ къ затату.
 Отраженный хрусталемъ,
 Свѣтлой хранины чудесной,
 Со звѣздами сводъ небесный,

На стѣнахъ дворца горить.
 И хрустальное крылечко,
 Какъ вѣнчалное колечко, —
 Сердцу радость говорить.
 Полночь очи открываетъ;
 Что на томъ-то, на крыльцѣ,
 Ракъ Царевичъ, поживаетъ, —
 Съ ясной думою въ лицѣ.
 Сонъ роскошный, сонъ богатый,
 Крошка, карликъ бородатый,
 На подушкѣ сторожить;
 Ростъ его: съ мизенца ноготь;
 Борода: съ Гигантской локоть,
 На коврѣ, какъ хвостъ лежитъ.
 Плачутъ вѣдьмы, сѣрой кошкой;
 Карликъ, рака козьею ножкой,
 Толкъ по лѣвому плечу:
 Ракъ Царевичъ лишь очнулся;
 На другой бокъ повернулся —
 И ворчитъ: я спать хочу.

Вѣдьмы воютъ, вѣдьмы плачутъ;
 Съ кровли кошкой на земь скачутъ;
 Землю лапами скребутъ...
 Колдуна-ль они хоронятъ,

Аль жнда со свѣта гонять?
 Но лишь землю разгребуть: —
 Страшно въ голось всѣ заплачутъ,
 Сѣрый хвостъ, согнувъ въ дугу:
 Захохочутъ и заскачутъ...
 Крошка, карликъ, ни гу-гу...
 Кромѣ шутокъ, онъ, безъ смѣху,
 Видя страшную потѣху,
 Съ крѣпкой думой на челѣ,
 Ночи глушь вѣрять уху,
 Перевестъ несмѣть духу.
 Тма лежитъ на хрусталѣ.
 Гаснутъ звѣзды въ небѣ чистомъ;
 Мѣсяцъ въ облакѣ лучистомъ,
 Какъ огонь въ стени потухъ.
 Чу! поетъ уже пѣтухъ!...
 Ракъ Царевичъ пробудился;
 Всталъ; встряхнулся; снарядился —
 И пошелъ своимъ путемъ, —
 Къ частой рощицѣ, зеленой,
 Волнѣ напѣвомъ усыпленной.
 Тамъ, на берегѣ крутомъ,
 Взоръ надъ озеромъ нахмурия,
 Въ молодечествѣ своемъ,
 Щелкнулъ звонкимъ соловьемъ....
 Дико свистнулъ, словно буря...

Сини волны разбудилъ...
 Страшно, озеро запыло...
 Какъ котель, все закипѣло!...

Ракъ Царевичъ, знай ходилъ;
 Усь крутя въ колечко, съ гнѣвомъ,
 Молвилъ слово онъ съ напѣвомъ:
 Я пришелъ; клубись, кипи!...
 Волны рви! буйтуй! не спи!
 По Султанову Указу;
 А по моему приказу,
 Для меня, для молодца,
 Отъ Султанова Дворца, —
 Въ удивленіе для міра,
 Мостъ постройка изъ Санфира;
 Да на грифовыхъ крылахъ,
 Храмъ, съ главами изъ алмаза,
 Колокольню изъ топаза,
 Оседьми колоколахъ.
 Проготовь работу эту,
 Ровно, къ раннему разсвѣту. —
 Слушаемъ! Царевичъ Ракъ!
 По Султанову Указу,
 А по твоему приказу,
 Все, къ разсвѣту, будетъ такъ!

С к а з к а.

О Иванѣ, ветхомъ нищенскомъ
 кафтанѣ.

Часть первая.

На кипучемъ океанѣ,
 Скрытъ, подъ сумракомъ, въ туманѣ,
 Островъ стелется ковромъ. —
 За крутыми берегами,
 Подъ гранитными скалами,
 Бьютъ фонтаны серебромъ. —
 Надъ горами, ходять тучи;
 Подъ горами, боръ дремучій;
 Въ тѣхъ горахъ: стальная дверь;
 Передъ дверью: — хищный звѣрь, —
 На цѣпяхъ, сидитъ, прибитый:
 Подъ косматою пятой,
 Гибкимъ плющемъ перевитый,
 Мхомъ и ржавчиной покрытый,

Мечъ, — съ насѣчкой золотой,
 И кольчуга вороная. —
 Это присказка простая,
 Дѣльный, сказочный расказъ —
 Будеть далѣе для васъ.
 Будеть сказка: о Иванѣ,
 Ветхомъ, нищенскомъ кафтанѣ.
 Ужъ какъ этотъ-то, Иванъ,
 Ветхой, нищенской кафтанъ,
 Былъ богатымъ дворяниномъ,
 Генеральскимъ, славнымъ сыномъ;
 Какъ бродягой сталъ потомъ;
 И, грустя о прожитомъ,
 Не крестясь, порой ночью,
 Сталъ онъ съ удочкой одною,
 Въ полночь, на рѣку ходить
 И ситовъ въ рѣкъ удить.
 Какъ онъ, съ горя, немнѣе,
 Чертыкнулся въ неудачѣ;
 Какъ, на то, Иванъ навелъ,
 Что и черта онъ провелъ,
 Собираясь волны сморщить
 И чертовокъ переборщить;
 А потомъ чертей орду,
 Всю на шесть, грозя повѣсить;

Чтобъ отстаи куралесить
 И плодиться на бѣду.
 Побѣжденный чертъ рогатый,
 Опрокинутый, трикраты,
 Чтобъ пощады упросить: —
 Будеть золото носить, —
 Въ шапку бѣднаго Ивана,
 Ненаряднаго кафтана.
 Подъ водою, въ темнотѣ,
 Съ нимъ поѣдетъ на Китѣ, —
 Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, послѣ смерти,
 Колесуютъ грѣшныхъ черти.
 Разостлавши свой кафтанъ,
 Какъ поднимется Иванъ,
 Въ безпредѣльный океанъ:
 Не съ хрустальными водами;
 А съ алмазными звѣздами.

. . . . .
 Тма осенняя ложилась —
 На дремавшій Небо-сводъ:
 И, на лоно зыбкихъ водъ —
 Ночь угрюмая спустилась.
 Свищетъ вѣтеръ; стонетъ боръ;
 Вьется воронъ надъ дубравой; —

Въ мракѣ, рыщеть бѣсъ лукавый,
 И наводитъ алчный взоръ, —
 На распутниковъ усталыхъ;
 И, въ проѣзжихъ, запоздалыхъ,
 Поселяеть онъ раздоръ.
 Чтобъ поднять шумъ, гамъ, тревогу.
 Перекрестную дорогу —
 Онъ когтями разчертилъ.
 И, прoderнувъ хвостъ сквозь ногу,
 Перевиль змѣю къ рогу:
 Туго шею закрутилъ;
 А потомъ, перевернувшись,
 Надъ чертою кувыркнувшись:
 Онъ разсыпался, какъ пылъ;
 Буйнымъ вихремъ очутился;
 И чрезъ поле покатился.
 Такъ, склонившись на костыль,
 Добрый дѣдушка, дѣвицамъ
 И красоткамъ молодницамъ, —
 Толковалъ про стару былъ.
 И, охотницы до сказокъ,
 Не сводя съ сѣдаго глазокъ,
 Вслушиваясь, въ крикъ сверчка,
 Вопросы старичка:
 „Правда ль, дѣдушка, что черти?“...

Охъ, боюсь я ихъ до смерти,
 Проворчалъ на это дѣдъ
 Разкрасавицамъ въ отвѣтъ.

Черedomъ своимъ, старушка,
 Пересѣявши муку, —
 Побожала старику.
 Это, свѣтикъ мой, игрушка!
 Было съ нами и не то:
 Какъ, подъ осень, на кладбищѣ,
 Разлясалось кнутовище
 И нечистыхъ рѣшето,
 За оградой, надъ кустами.
 Какъ теперь передъ глазами:
 Съ дерна плиты сорвались...
 Разступилися могилы, —
 Отъ содома, адской силы...
 Изъ гробовъ всѣ поднялись
 И къ часовнѣ понеслись...
 Визгъ и хохоть.. надъ кладбищемъ...
 Вдругъ: огромнымъ кнутовищемъ,
 Самъ, нележкой, по костямъ,
 Грянулъ такъ, что по частямъ, —
 Кости, — въ брызги разлетѣлись...
 И, какъ пылъ, столбомъ вертѣлись,

Надъ ходячимъ рѣшетомъ . . . .
 Я же, будучи притомъ,
 Хотъ на волосъ бы смутилась,
 Только разъ перекрестилась,
 Прочитала: Святъ храни! . . .
 И, не стало чертовни. —
 Нишкни, старая колдунья,
 На задоръ ей молвилъ дѣдъ:
 Ужь тебѣ ли, — знать такъ свѣтъ?
 Ты пустая лепетунья . . .
 Въ вашихъ сестрахъ толку нѣтъ! . .
 Правда, вашъ заносчивъ голосъ;
 Да, ума-то, — ни наволосъ.
 Не мѣшайка старику,
 Просѣваючи муку;
 А послушай: о Иванѣ,
 Ветхомъ нищенскомъ кафтанѣ.

Соколь, по небу, летить
 И на звѣздочку глядитъ;
 Та звѣзда, какъ яхонтъ красный,
 Въ недолетной высотѣ,
 Чуть мелькаетъ въ темнотѣ.
 Вотъ, завился соколъ ясный,
 И, съ лазоревыхъ небесъ,

Опускается на лѣсъ.
 Въ черной глуби океана,
 Возлѣ острова Буяна:
 Два кита, на днѣ, стоятъ
 И усами шевелятъ;
 А вотъ сказка, про Ивана.

Генеральской сынъ, Иванъ,
 До рубашки промотавшись,
 Долгомъ, по уши, забравшись,
 Ветхой, нищенской кафтанъ
 Натянулъ на барски плеча;
 Да и то, была съ нимъ встрѣча:
 Не найди, онъ, сундука;
 Не сорви обойной жести;
 И не разломай замка: —
 Такъ пошелъ бы онъ, по чести,
 По голѣ бѣдняка.

Правда, сыну Бригадира,
 Послѣ свѣтлаго мундира,
 Не легонекъ былъ толчѣкъ;
 Но, Иванъ, не дурачекъ:
 Вскорѣ, онъ съ умомъ собрался,
 И, въ бѣдѣ, не затерялся.

Сталь не по міру бродить;
 Сталь на промыселъ ходить.
 Вотъ, однажды, съ полуночи,
 Протирая сонны очи,
 Онъ накинулъ свой кафтанъ:
 И предъ нимъ, какъ сквозь туманъ,
 Прежнихъ дней, — блесни картина:
 Сталь онъ думать; да гадать;
 Сталь, не въ шутку, рассуждать,
 Какъ, онъ, званьемъ господина
 Обладалъ сперва вполне;
 Какъ, почти тонулъ въ винѣ;
 Въ разныхъ прихотяхъ купался,
 Словно въ маслѣ сырѣ катался;
 Какъ не свѣтъ и незаря,
 Улизнулъ онъ за моря.
 Со сторонушкой родною,
 Распрощавшись, какъ кутиль,
 Какъ сорилъ, Иванъ, казною
 И, какъ все добро спустилъ.

Словомъ, красны дни Ивана,
 Отъ мундира, до кафтана
 Были: непонятный сонъ; —
 А теперь, со всѣхъ сторонъ,

Сылаетъ бѣдность, неудача,
 Стиснувъ зубы, — чуть не плача,
 Отъ досады рвался онъ.
 Въ крѣпку думу погружившись,
 Образамъ не поклонившись,
 И, не сотворивъ креста,
 Вышелъ онъ за ворота;
 И, качая головою,
 Взялъ онъ, удочку съ собою;
 Вздумалъ горю пособить:
 Вздумалъ рыбу онъ ловить.

Вотъ, Иванъ, ужъ надъ рѣкою;
 Волны синія кипятъ;
 Сосны черныя шумять,
 Надъ обрывистой скалою.
 И проворная рука,
 На зазубринку крючка,
 Прицепила червяка.
 Вотъ, ужъ, съ поплавкомъ свинецъ
 Брошенъ въ волны наконецъ,
 И на розгыши песчаной,
 Подъ навѣсомъ береговъ,
 Сталь, подсѣчкой волосяной,
 Нашъ Иванъ, ловить сеговъ;

Съ красныхъ теремовъ, уныло,
 Звонъ промчался надъ рѣкой...
 И на башнѣ городской,
 Часъ полуночи пробило;
 А Иванъ, все ждетъ, пождетъ,
 Рыба во все не клюетъ.....
 Рыбну ловлю проклиная,
 И, въ послѣдній разъ, бросая
 Въ воду, съ поплавкомъ свинецъ,
 Проворчалъ онъ, подъ копецъ:
 Чтобъ, хоть разъ, случиться чуду,
 Не идетъ и чортъ на уду!.....

Надъ чернѣющей рѣкой,
 Ходятъ тучи громовыя;
 Стонуть сосны вѣковыя
 Надъ угрюмой скалой.
 Кто-то клюнулъ подъ водою
 И попался на крючѣскъ.
 Вотъ ужъ скрылся поплавокъ!
 Нашъ Иванъ, схвативъ лѣвшою,
 Въ волны тонущій шестокъ,
 Тянетъ такъ, что подъ ногою
 Осыпается песокъ.

Вдругъ, надъ синими валами,
 Кто-то замахалъ крылами,
 И очами засверкалъ....
 Глухо, крикнувъ, засвисталъ,
 Застоналъ, захохоталъ,
 Завонилъ въ скалу когтями....
 И, обрушившись, пропалъ...
 То нечистаго былъ голосъ.
 У инаго бѣ дыбомъ волосъ;
 А, Иванъ, добычи ждетъ,
 Да и ухомъ не ведетъ.
 И глядитъ съ подъ рукавицы.
 Такъ-то, милыя дѣвицы,
 Улыбнитесь на рассказъ.
 Про колечки золотыя,
 И про кудри завитыя
 Позабудьте, хоть на часъ.
 Дико воетъ надъ рѣкою...
 Изъ за тучъ, чуть чуть видна,
 Прорѣзается луна.
 Свищетъ вѣтеръ надъ скалою;
 Вотъ, рѣка освѣщена....
 Словно жемчугъ надъ волною,
 Подъ серебряной луною,
 Плещетъ пѣна въ берега...

Глядь... изъ волнь торчатъ рога....
 И, огромной головою,
 Страшно, грянулъ бѣсъ въ скалу:
 Валъ, упорствуя валу,
 Опѣнясь, заклокотали;
 Берега затрепетали;
 Закачался темный лѣсъ;
 Звѣзды сыплются съ небесъ...
 Черной лентой, вьются тучи;
 И, на берега зыбучи,
 Въ страшныхъ сгибахъ, лезетъ бѣсъ.
 Предъ Иваномъ онъ смутился;
 Въ свѣтлы кольца закрутился;
 И, какъ червь, укоротился.

Щетью волосы стоять;
 Роги золотомъ блестать;
 Когти яхонтомъ горять;
 А глаза, что уголь красный,
 Такъ и ходять подо-лобомъ;
 Изъ позбрей-бьетъ дымъ столбомъ;
 Изъ-тра-огонь ужасный...
 Самъ онъ сѣрый, что туманъ.
 Ну, здорово, братъ Иванъ,
 Ветхой, нищенской кафтанъ.

Ты насъ выбилъ, братъ, изъ мочи.
 Что ты бродишь съ полуночи?
 А Иванъ ему въ отвѣтъ:
 Окрестись, подземный свѣтъ.
 Не играй по вѣтру братомъ.
 Я съ нелегкимъ супостатомъ
 Не родился никогда;
 Вашимъ братомъ быть бѣда.
 И прошу не шевелиться
 Русской черта не боится.
 Я на васъ не погляжу,
 И къ рѣкъ, затѣмъ хожу,
 Чтобы волны переморщить
 И чертовокъ перекорчить;
 А потомъ чертей одру
 Я хочу на колъ повѣсить,
 Чтобы не смѣли куралесить
 И плодиться на бѣду.
 Слышите черный бѣсъ угрозы.
 Отъ досады даже слезы
 Накатились на глаза;
 Страшно члены задрожали;
 Губы судороги сжали;
 Весь онъ — адская гроза.
 Прикрывая злость улыбкой

Онъ спиной косматой, гибкой,
 Злой отвѣсивши поклонъ,
 Рѣчь ведетъ такую онъ:
 Эй, дѣтина, забіяка!
 Знай, я выше естества,
 Не стерплю я хвастовства.
 Разорву тебя, собака.
 И воронамъ дамъ на смѣхъ.
 Ну, смотри рогачъ косматой!
 Не введи меня ты въ грѣхъ;
 Съѣшь ты отъ меня орѣхъ.
 Видно, ты еще не мятой?
 (Говоритъ ему, Иванъ,
 Ветхой, нищенской кафтанъ.)
 Мы уже тебя проучимъ.
 Между тѣмъ въ лѣсу дремучемъ
 Появись медвѣдь большой,
 Съ добросовѣстной душой;
 Съ тѣмъ оставилъ онъ берлогу,
 Чтобъ Ивану дать помогу,
 За него стоять горой.
 Нашъ Иванъ смѣкая это,
 Продолжаетъ такъ: постой,
 Видишь ли, тамъ лѣсъ густой.
 Въ немъ, мой братъ, седьмое лѣто

Жизнь пустынную ведетъ.
 Въ гости онъ ко мнѣ идетъ,
 Весь въ шерсти, въ косматой кожѣ;
 Но меня онъ помоложе.
 Ты останься съ нимъ въ двоимъ.
 Я же, изъ лѣсу, украдкой
 Погляжу: ты бейся съ браткой.
 Кто поставитъ на своемъ,
 Я, небось, тогда увижу.
 Нѣтъ себя я не унижу.
 Я, вступаю съ бродягой въ бой,
 Я, боровшійся съ судьбой?
 Да слыхалъ ли ты гдѣ это?
 Нѣтъ, ужъ, право, черезъ чуръ,
 Больно за сердце задѣло.
 Много ли тутъ вашихъ шкуръ?
 И клянуса тмы чертогомъ,
 Разнесу весь свѣтъ я рогомъ.
 И въ сердцахъ стущая мглу,
 Грянуль палицей въ скалу.
 Валъ, упорствуя валу,
 Опѣнясь, заклокоталъ;
 Берега затрепетали;
 Закачался темный лѣсъ;
 Звѣзды сыплются съ небесъ.

Черной лентой вьются тучи;
 И въ песчаный брегъ зыбучій
 Козьи ноги врѣзалъ бѣсъ,
 Бросилъ палицу къ Ивану,
 Ненарядному кафтану,
 И сказалъ ему онъ такъ:
 Слушай ты, Иванъ, дуракъ.
 Аль ты думаешь, я струшу
 Съ нимъ помѣрять силъ моихъ;
 Аль мнѣ жалъ когтей своихъ
 Вытянуть изъ тѣла душу?
 Вязъ ломая, той порой,
 Нашъ незваный гость, горой
 Поднимая шерсть на кожѣ,
 Изъ лѣсу валить; — и что же?
 Видя бѣса предъ собой,
 Ободрился, всталъ на пятѣ;
 Пасть разинувъ, заревѣлъ
 Такъ, что даже не посмѣлъ
 Приступить къ нему проклятый.
 Миша рвался не шутя,
 И чертенька ухватя,
 По уставу лѣсовому,
 Прижалъ такъ онъ къ ретивому,
 Что и небо съ хоромъ звѣздъ

Стало меньше птичьихъ гнѣздъ.
 Сжатый мишенькой чертенокъ,
 Какъ замоченный котенокъ,
 Стиснувъ зубы, пропищаль,
 Ускользнувъ изъ лапъ, отъ страху
 Въ волны кинулся съ размаху,
 Надъ рѣкою затрещаль
 И аукнувъ, онъ прощаль. —
 Вотъ, является чертенокъ
 Въ омутъ къ наибольшимъ чертамъ.
 Льетъ холодъ по костямъ.
 Онъ крутится, какъ змѣенокъ.
 Вѣдьмы къ сердцу жмутъ его.
 Черти въ голосъ: каково
 Проучилъ, братъ, ты бродягу?
 А чертенокъ имъ въ отвѣтъ:
 Попытайтесь-ка на свѣтъ,
 Такъ дадите вѣрно тягу.
 Какъ и что и почему?
 (Зарѣвели въ голосъ чертѣ.)
 Такъ, по разуму-уму,
 Тамъ не вѣрятъ ничему,
 Не боятся даже смерти.
 Всѣ твердятъ: да, какъ не такъ,
 Я и самъ-де не дуракъ.

Словомъ, всё такова сорту,
 Что утрутъ во всемъ носъ черту.
 Вотъ Ивановъ мнѣ отвѣтъ,
 Какъ его назвала я братомъ:
 Окрестись, подземный свѣтъ.
 Не играй по вѣтру братомъ.
 Я съ нелегкимъ супостатомъ
 Неродился никогда.
 Вашимъ братомъ быть-бѣда.
 И прошу не шевелиться.
 Русской черта не боится.
 Я хожу за тѣмъ сюда,
 Чтобы волны переморщить
 И чертовокъ перекорчить.
 Всю нечистую орду
 Хочетъ онъ на шесть повѣсить,
 Чтобъ отстали куралесить
 И плодиться на бѣду. —
 Вотъ вамъ отъ слова и, до слова.
 Сказочка то-что-то нова.
 Проворчала рогачъ сѣдой.
 Безъ хвоста и безъ глазу.
 Но для этого бы разу
 Ужъ не скрылся подъ водой.
 Да, онъ ловко озадачилъ;

Но меня бѣ не одурачилъ.
 Выходка моя не та.

Не хвалися. Онъ вѣдь съ братомъ.
 Братъ его въ мѣху косматомъ.
 Что за сила у него:
 Скрутить чтрта самага.

Что же дѣлать намъ, ребята?
 Прокричали бѣсенята.
 Благосклоненъ къ намъ туманъ,
 Близокъ къ сердцу нашъ обманъ;
 А тяжелъ для насъ Иванъ,
 Ветхой щипенской кафтанъ.
 Мракъ его не приголубить.
 И концы должны мы свести,
 Мы должны его извести;
 А не то-онъ насъ погубить!
 И старѣйшина сѣдой
 Съ безконечной бородой,
 Остры когти разминая,
 Грознымъ адомъ заклиная,
 На нечистыхъ заревѣль:
 Что жъ вы стали, ратозен.
 Роги, когти, жабы, змѣи,

Все есть. Чтобъ никто не смѣлъ
 Оставаться подѣ водою.
 И притопнувши ногой,
 Обернулся кочергой
 Надъ неистойвой ордою;
 Ломить бѣдныхъ бѣсенятъ
 Въ рыло, въ усъ и въ бокъ и въ задъ.

Съли черти чихардою
 На огромныхъ черныхъ жабъ,
 Уложивши козней сѣти,
 Взяли змѣя, вмѣсто плѣти,
 И по жабамъ цапъ царашъ!..
 Скачутъ буйною ордою
 Подѣ бушующей водою.
 Между тѣмъ бѣднякъ Иванъ,
 Перечиненный кафтанъ,
 Хоть и думалъ: я не струшу;
 Но съ чертями долго ль душу
 Не возвратно погубить? —
 Върочемъ быть чему, — такъ быть.
 Нашъ Иванъ при томъ увѣренъ,
 Что и чертъ самъ легковѣренъ.
 Вотъ ужъ ждетъ онъ съ полчаса,
 Безбоязненности полный.

Онъ глядитъ на сини волны
 И порой на небеса.
 Варугъ рѣка горой раздулась
 И скала, трещя, погнулась;
 Изъ за облакъ чуть видна
 Кровью налилась луна
 И червленною грядою
 Столбъ зажегся надѣ водою,
 Снова грянулъ бѣсъ въ скалу;
 Валъ упорствуя валу,
 Опѣнясь, заклокотаи;
 Берега затрепетали;
 Зашатался темный лѣсъ;
 Звѣзды сыплются съ небесъ,
 Вьются черной лентой тучи
 И на берега зыбучи
 Черныхъ жабъ отрядъ полезъ.
 Предѣ Иваномъ всѣ смутились,
 Защищавъ, засуетились
 И чертями очутились;
 Словно темный боръ, стоять;
 Роги въ золотъ блестятъ,
 Когти въ яхонтахъ, горять,
 А глаза, какъ угли, красны,
 Такъ и ходятъ подо лбомъ,

Изъ поздрей бьетъ дымъ столбомъ,
 Изъ-рта огонь ужасный,
 Всѣ сѣдые, какъ туманъ.
 Ну, здорово братъ Иванъ!
 Ты выводилъ насъ изъ мочи.
 Что-ты бродишь съ полуночи?
 А Иванъ чертамъ въ отвѣтъ,
 Покосясь, сказалъ сурово:
 Ну, проклятые, здорово.
 Кстати врагамъ на обѣдъ
 Вы пришли и всё готово!
 Ждала васъ давно бѣда.
 Я за тѣмъ бродилъ сюда,
 Чтобы волны переморщить
 И чертовокъ перекорчить
 А потомъ чертей орау
 Я на шесть хочу повѣсить,
 Чтобъ имъ впредъ не куралесить,
 Не плодиться на бѣду.

Черти подойти не смѣя,
 Адскимъ гнѣвомъ пламеня,
 Какъ смола князю, шинятъ
 И зубами знай скрипятъ.
 Вотъ къ сырой землѣ припали,

Мигомъ плиты разметали
 И въ крутые берега
 Врыли страшные рога;
 Зашатались съ громомъ скалы,
 Тряско берегъ задрожалъ,
 Дико вихорь пробѣжалъ
 И посыпались обвалы
 Надъ бунтующей рѣкой
 И проворною рукой
 Взялъ Иванъ съ лисичкой уду,
 Надъ чертями сдѣлалъ крестъ,
 Въ слухъ примолвилъ: быть тутъ чуду.
 И желѣзный страшный пестъ
 На цѣпяхъ съ луны спустился,
 И какъ башня, расходился
 По чугуныть ихъ бокамъ
 Давши волюшку рукамъ,
 Самъ Иванъ не могъ скрѣпиться,
 Чтобы чѣмъ не поживиться.
 Взялъ три зѣба и ребро
 И, понявши къ небу уду,
 Тихо молвилъ: быть тутъ чуду...
 Пестъ, звеня, какъ серебро,
 Раскачался надъ скалою,
 И къ лунѣ взвился стрѣлою...

Душно черту подь крестомъ.
 Отъ досады когти гложетъ,
 Встать съ земли ни какъ не можетъ.
 Вотъ, крутя стальнымъ хвостомъ,
 Подкатился онъ къ Ивану,
 Не нарядному кафтану,
 Безъ зубомъ и безъ ребра.
 Говорить ему: послушай,
 Не сердись на насъ, Ванюша,
 И раздумай за добра
 Намъ не лучше ли мировую
 Учредить между собой,
 Чѣмъ вести не равный бой
 За бездѣлицу такую?
 Пусть насъ крошитъ страшный пестъ;
 Но сними съ насъ тяжкой крестъ.
 Мы тебѣ услужимъ сами.
 Все, что есть подь небесами
 Въ нашей власти — попроси,
 Лишь скажи: чертъ гои еси!
 И вотъ то-то принеси.
 Гдѣ бъ я не былъ, ужъ предстану
 Передъ молодецъ тобой,
 Словно листъ передъ травой,
 И въ минуту все достану

Хорошо — сказалъ — Иванъ,
 Ветхой нищенской кафтанъ;
 Повернувшись, и лѣвшею
 Вбросилъ уду предъ собою
 Ловко съ праваго плеча.
 Черти, словно саранча,
 Затемняя неба своды,
 Тучей кинулись на воды
 И ныряя при лунѣ,
 Скрылись въ черной глубинѣ.
 Самъ себѣ Иванъ не вѣритъ
 И въ раздумьѣ звѣзды мѣритъ;
 На яву али во снѣ
 Съ нимъ такія виды были,
 Онъ немогъ никакъ рѣшить.
 Тѣу ты! чтобъ не согрѣшить.
 Молвилъ онъ; а звѣзды плыли
 Передъ нимъ; онъ не во снѣ
 Видѣлъ черта при лунѣ.
 Вотъ приди на умъ Ивану,
 Непарядному кафтану,
 Испытать надъ бѣсомъ власть;
 Хотъ онъ зналъ и самъ, что больно
 Слушаться другихъ не вольно.
 И что первая напасть

То есть хуже нѣтъ на свѣтѣ
 Вмѣсто азъ писать мыслете
 Подъ напѣвомъ дурака
 Изъ боязни кутака.

Вотъ онъ зубомъ очертившись,
 На ребро облокотившись,
 Закричалъ: чертъ! гой еси!
 Въ шапку золото носи.
 И надъ дремлющей рѣкою
 Разсыкая вихремъ мракъ,
 Поднялся изъ водъ Носакъ *)
 Онъ свиваясь, развивался,
 Развиваясь, онъ свивался,
 То къ волнамъ онъ опускался,
 То за тучи укрывался,
 Въ золотой клубокъ скруглялся,
 То какъ лента разнускался
 И разсыпался въ огнѣ
 На восточной сторонѣ.
 И минуты не проходить,
 Какъ въ чертъ дракономъ бродить

*) По просто-народному преданію огненный змій, послѣдній деньки къ своимъ любимцамъ.

Чертъ, весь въ золотѣ горя,
 На Ивана посмотря,
 Въ свѣтлы кольца онъ скрутился
 И подъ ногу покатился.
 Шапку розную Иванъ,
 Ветхой нищенской кафтанъ,
 Поразправивъ, обездожилъ.
 Въ пень ребромъ онъ потрезвонилъ
 И узнавъ, что пень пустой,
 На душло онъ шапку ставитъ,
 И что силы въ немъ онъ давить
 Хвостъ дракона подъ собой;
 Зазвѣнелъ, журча струею,
 Токъ червонцевъ золотой.
 Эй Иванъ! постой, постой,
 Не дави меня такъ больно,
 Посмотри — уже довольно.
 Пень отъ золота сторгить.
 Чертъ Ивану говорить.

Трижды кладъ свой зааминивъ,
 Бѣса удою одубинивъ
 По щетинистой сини —
 Будь впередъ послушень мнѣ. —
 Молвилъ онъ, съ хвоста сизвъ ногу

И пустился въ путь дорогу.
 Та дорога передъ нимъ
 Вьется змѣемъ золотымъ
 И подъ дубомъ въковымъ
 Зачернелася избушка
 На куриныхъ хохолкахъ,
 На пѣтушьихъ гребешкахъ.
 Въ ней живетъ яга старушка,
 Въ хороводъ свѣтломъ дѣвъ
 Ночью съ мѣсяца слетѣвъ,
 Ждетъ она къ себѣ Ивана,
 Ненаряднаго кафтана,
 Не для ссоры — во все нѣтъ;
 А на дружескій совѣтъ.

Какъ бы вамъ сказать попроще!
 Нашъ Иванъ подходитъ къ рошѣ;
 Тамъ, подъ дубомъ, на горѣ,
 Въ перекатномъ серебрѣ,
 Ручеекъ струей сверкаетъ,
 И прохожихъ привлекаетъ.

Ужъ за полночь два часа;
 Чертъ глядитъ на небеса;
 Предъ его проклятымъ взглядомъ

Плыли звѣзды стройнымъ рядомъ
 И холодная луна
 Въ синивѣ, какъ смерть блѣдна.
 Онъ стоитъ къ избушкѣ задомъ,
 А къ Ивану всемъ лицомъ.
 Закружилася избушка
 Съ позолоченымъ крыльцомъ
 И горбатая старушка,
 Словно сѣрый мохъ, сѣда,
 Для Иванова сѣда
 Путь дорожку устилаетъ
 Тонкимъ краснымъ полотномъ.
 Въ темномъ теремѣ высокомъ
 Гробъ стоитъ передъ окномъ,
 Стѣны въ траурѣ глубокомъ
 Чернымъ убраны сукномъ.
 За столомъ сидитъ старушка.
 Брови, что kota усы
 Стройно ходятъ для красы.
 Передъ нею съ зельемъ кружка.
 Это старая яга,
 Костяная вся нога,
 Приготовилася къ смерти.
 На нее косятся черти;

А за что и почему?
Неизвѣстно никому.

Вотъ Иванъ въ тотъ теремъ входитъ
И вокругъ свой взоръ обводитъ.
Лишь взглянулъ на стѣны онъ,
Вдругъ раздался жалкой сонъ;
Полъ подъ нимъ зашевелился
Такъ, что съ ногъ чуть не свалился
Добрый молодецъ Иванъ,
Ветхой нищенской кафтанъ;
Смотритъ быстро на старушку;
А она, нагнувши кружку,
Начала въ ротъ зелье лить,
Да съ Иваномъ говорить:
А! здорово, соколъ ясный,
Добрый молодецъ несчастный,
Мой послѣдній часъ насталь.
Дважды демонъ хохоталь.
Какъ издастъ онъ стонъ ужасный
Въ третій разъ, тогда прощай,
Какъ зовутъ, лишь поминай. —
Часъ послѣдній, часъ неожиданный!
Въ буйныхъ вихряхъ окалянный
На избушку набѣжить

Въ звонки стекла застручить.
И съ собою гробъ умчить.
Дикой бурей я завою,
Надъ моею головою,
Помни, бѣдныи, какъ не я,
Такъ давно бѣ душа твоя
Съла къ черту на кулички.
И не улы, не лисички
Не спасли бы, другъ, тебя.
Совѣсть вѣдъмы оскорбя
И отцевъ твоихъ любя,
Съ сердцемъ полнымъ состраданья,
Я глядѣла на тебя,
На душевныя страданья.
Ты, Иванъ, сталъ жалокъ мнѣ.
Прерывая на лунѣ,
Я ворочала чертами,
По хотѣнью твоему.
Вотъ, за что и почему
Расплачуся я костями.
Всѣ надежды погубя,
Тѣло унося въ могилу,
Заклинаю я тебя:
Первыми мою ты силу.
Въ ней таятся чудеса.

Ей покорны небеса,
 Горы, воды и лѣса.
 Брось теперь свою ты уду,
 Я тебѣ служить не буду.
 Чу! за полночь три часа.
 Чертъ глядѣть на небеса
 Предъ его проклятымъ взглядомъ
 Меркнуть звѣзды стройнымъ рядомъ
 И холодная луна,
 Какъ мертвецъ въ гробу, блѣдна.
 Послѣ этихъ словъ она
 Страшно взоромъ засверкала
 И печально продолжала
 Въ полусонѣ погружена.

Хладный обликъ блѣдной смерти!
 Такъ, — въ тебѣ гнѣздятся черти.....
 Но глаголь судьбы обрѣкъ
 Сокрушитъ престолъ нечистой....
 Въ тусклой ризѣ серебристой,
 Прорѣзаясь на востокъ,
 Съ мертвымъ ужасомъ во взорѣ,
 Ты поднимешь къ небу море.
 И омоешь, наконецъ,
 Оскверненный твой вѣнецъ.
 И тогда нечистымъ горе!

Сотрясенные съ лучей
 Въ мракъ таинственныхъ ночей,
 Какъ вулкана знойный камень,
 Черезъ пучины полетятъ,
 Громы неба загремятъ
 И змѣями рѣя, пламень
 Обовьется вокругъ сердцець.....
 Запылаютъ въ безднѣ волны
 И карающій Творецъ
 Превратитъ моря въ свинець.
 И тогда то мѣсяцъ полный!
 Твой желѣзный страшный пестъ
 Надсѣчетъ тяжелый крестъ
 На холмахъ пучинъ свицовыхъ;
 Въ мглу одѣнутся вѣка,
 Но и времени рука
 Не сорветъ оковъ суровыхъ.

Вихри вьютъ кудрями прахъ,
 Закружилася избушка
 На пѣтуньихъ гребешкахъ
 И завыла вдругъ старушка,
 Поднимая гамъ и свистъ.
 Чертъ предсталъ, нахмури брови,
 Развернувъ свой черный листъ,

Застоналъ онъ: крови, крови!
 Въ стекла хрупный градъ съчетъ,
 Задымилась черны стѣны,
 Стекла таютъ въ видѣ пѣны,
 Изъ за печки кровь течетъ,
 Глухо вихри набѣжали,
 Надъ избушкой завизжали,
 Рамы на стезь — въ стѣны хлопъ —
 И взвился желѣзный гробъ.
 Колесомъ за гробомъ мчится
 Въ слѣдъ за жабами яга,
 Костяная вся нога,
 Темный лѣсъ ее дичится
 И, качаяся, завылъ
 Боръ отъ ужаса дремучій;
 Пеленой нависли тучи;
 Черти о земь разомъ тощъ
 И пропалъ съ ягою гробъ.

Конецъ пѣвой части.

Часть вторая.

Спать широкия поляны;
 Утомившись, полушьяный
 День укрылся за лѣса;
 Вечерь, выбившись изъ мочи,
 Сдался въ плѣнь угрюмой ночи,
 И на сини небеса,
 Черны ризы надѣвая,
 Ночь, волшебница лихая,
 Изъ безщетныхъ свѣтлыхъ глазъ
 Сыплетъ яхонтъ и алмазь. —
 Мѣсяцъ, въ облакъ играя
 Переливнымъ серебромъ,
 Въ выси катится ребромъ,
 Стры тучи раздирая;
 А вотъ сказки часть вторая,
 Да и присказка притомъ.
 Какъ бишь? да я сталъ на томъ,
 Какъ кружилася избушка
 На куриныхъ хохокахъ,
 На пѣтушыхъ гребешкахъ,
 Какъ неслась яга старушка
 Въ слѣдъ за гробомъ колесомъ.

И еще забылъ про что-то.
 Слушайте: вдали болото
 Взято бѣсовымъ усомъ.
 За измѣну залитая
 Подъ болотною водою
 Съ сѣрой вязкою бородой
 Тамъ лежитъ яга сѣдая;
 На носу порошимъ мхомъ
 Ъздятъ демоны верхомъ,
 Еъ сердць жаба заклитая.

Вотъ поднявшись отъ земли,
 Долгоноги журавли
 Въ путь дороженьку пустились,
 Свиншись въ черный полукругъ,
 Вотъ летять, летять и вдругъ
 На болото опустились,
 Съ тѣмъ, чтобъ вытащить ягу,
 Костяную ту ногу.
 По болоту денно, ночью
 Ходять, бродять ненарочно,
 Навостривши зоркой глазъ,
 Носъ лишь въ воду — носъ увязъ.
 И запутался жестоко;
 Вынуть носъ, такъ хвостъ погрязъ

Хвостъ высоко-носъ глубоко,
 Носъ высоко-хвостъ глубоко,
 А яга тамъ спитъ, да спитъ,
 Да зубами знай скрепитъ.

Разкрасавицы, поближе
 Къ дѣду двигая скамью,
 Присказку поютъ свою:
 Дѣдушка, да расскажи же
 Намъ въ полразумъ о лунѣ.
 Пусть ужъ сказка въ сторонѣ.
 Мы другихъ понять не можемъ;
 Такъ за то тебя тревожимъ.
 Ты поближе къ старинѣ,
 Знаешь все, что прежде было
 И что будетъ даже впредь.
 Разрѣши: за чѣмъ не мило
 Изъ подълобья, какъ медвѣдь,
 Съ высоты луна сѣдая
 Смотритъ, по небу блуждая,
 И за чѣмъ всегда она
 Такъ грутна и холодна.

Разпрекрасныя вы души,
 Какъ докучливый сверчекъ,

Прокричали вы мнѣ уши.
 Молвилъ добрый старичекъ.
 Чуть я самъ объ этомъ знаю,
 Но скажу, какъ понимаю.
 Вы хотите знать: луна
 Отъ чего всегда грустна
 И блѣдна и холодна?
 Знайте, милыя, она
 Голова голодной смерти.
 Въ страшный часъ святой войны
 Рая буйные сыны,
 Съ неба сверженные черти,
 Громоу силъ опалены,
 Защищая бунта знамя,
 Были такъ раздражены,
 Что изъ глазъ бросали пламя.
 Раскаленный грозный адъ,
 Пожирая дымъ и смрадъ,
 Отъ засухи завертѣлся,
 И чуть-чуть не разлетѣлся;
 Въ самыхъ влажныхъ простотахъ
 Завивался тучей прахъ.

Смерть не сытая алкая,
 Аду гибель предрекая,

Возбуждала общій страхъ;
 Наконецъ она заржала
 Такъ, что бездна задрожала;
 Черти страхомъ смущены
 Съ желчью кровь въ огонь плевали,
 Заревѣли, застонали
 И соломой запылали,
 Въ черны кольца скручены.
 Приподнявъ огромны брови,
 Смерть, глядя на волны крови,
 Безъ разбору на тощакъ
 Натесалась желчи такъ,
 Что какъ известь поблѣднѣла
 И отъ тяжести присѣла,
 Изрыгая въ грозу мглу
 Кровь и черную смолу.
 Было тошно, тошно смерти!
 Между тѣмъ очнулись черти. —
 Бой вторичный распала
 Съ неприступной Бога силой,
 Подожили, чтобъ могилой
 Чистыхъ думъ была земля,
 Пльнь и тяжкой и суровой?
 Гдѣ же взять чертямъ оковы?
 Въ вихряхъ пламенныхъ степенъ

Не найдя нигдѣ цѣпей;
 Смерти голову сорвали,
 Оципали волоса,
 Длинные уши окарнали
 И швырнули въ небеса.
 Изъ волосъ они связали
 Цѣпь на вѣки вѣхъ вѣковъ
 Для полоненныхъ духовъ
 И міры всѣ обмотали;
 Изъ желѣзныхъ же ушей
 Наклевали палашей
 И природѣ всей въ досаду
 Приготовили засаду
 Въ этой блѣдной головѣ.
 Съ той поры по синевѣ
 Безутѣшная все бродить,
 Грустный взоръ на насъ наводитъ,
 Какъ безмѣнной часовой,
 Путь свершая круговой.
 Съ той поры намъ нѣтъ свободы,
 Съ той поры нашъ духъ во мглѣ
 Бродить нищимъ по землѣ
 И когда бы грудь природы
 Не тронулась токомъ слезъ
 И не бросила бѣ съ Небесъ

Сердца солнышка на своды —
 О тогда бѣ надеждъ заря
 Не сіяла въ небосклонѣ
 И вся жизнь на смертномъ лоиѣ,
 Въ безутѣшность взоръ впередъ,
 Подъ забвенья пеленою,
 Какъ подъ степью ледяною,
 Спала бѣ непробуднымъ сномъ
 Въ онѣменьѣ роковомъ.

Такъ то ягодки прекрасны,
 Вамъ слова мои не ясны.
 Что же дѣлать? вижу самъ.
 Впрочемъ время подоспѣло;
 Сказка ждетъ, пора за дѣло.

Бродить лѣшій по лѣсамъ
 Въ ровень съ чащею дремучей,
 Прячетъ голову за тучей;
 Вотъ чернѣются вдали
 Надъ волнами корабли
 Въ роковомъ своемъ уборѣ,
 Что свинецъ клубится море.
 Опираясь о гранитъ
 У моря того подъ дубомъ,

Нашъ Иванъ не легкимъ зубомъ
 Что-то страшное чертить.
 Только къ долу онъ коснется —
 Съ визгомъ жаба встрепенется
 И съ утеса въ глубь летитъ.
 Вотъ Иванъ во весь свой голосъ
 Закричалъ: Чертъ гой еси!
 На рогахъ кита неси.
 Съ этимъ словомъ вырвавъ волосъ
 Съ кудрей праваго виска,
 Сдѣлавъ три онъ узелка
 И по вѣтру на просторъ
 Только дунулъ — волосъ въ море
 Звучной цѣпью полетѣлъ
 Съ тѣмъ, чтобъ по китову ходу
 Удержать въ предѣлахъ воду
 И чтобъ китъ шалить несмѣлъ.

Вотъ рогами демонъ храбрый
 Подхвативъ кита подъ жабы,
 Надъ пучиной зачернилъ;
 Рѣжетъ воду китъ усами
 И фонтаны съ небесами
 Сливъ, подъ берегомъ стоитъ
 И усовъ не шевелитъ.

Чертъ усердный не зѣваетъ,
 Цѣпи въ жабы продвѣваетъ,
 Какъ уздечку, для красы;
 Поднялъ китъ свои усы
 И подъ брызгами фонтана
 Садитъ на спину Ивана.
 Чешую всплеснувъ волной,
 Съѣлъ Иванъ къ усамъ спиной;
 Лишь усилъ полонъ кафтана
 Онъ не чаянно махнулъ,
 Китъ качнулъ хвостомъ и въ путь. —
 Подъ водою дни и ночи
 Изо-всей подземной мочи
 Разрывая волны, китъ
 Къ тайной пропасти летитъ,
 То есть къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ черти
 Мучать грѣшныхъ послѣ смерти.
 Смѣло въ даль Иванъ глядитъ
 И увидѣлъ — подъ слоями
 Съ раскаленными краями
 Дикая стѣна стоитъ.
 Вьется пламень разъяренный
 По багрѣющимъ зубцамъ,
 Бродитъ грѣшникъ изнуренный
 По наточеннымъ концамъ,

Плачетъ горкими слезами
 И кровавыми руками
 Онъ съ чела стираетъ потъ;
 Въ черны думы погруженный,
 Онъ сквозь мраки обнаженны
 Смотритъ въ глубь съ крутыхъ высотъ.
 Отъ стѣны качая воду,
 Черти гонять прочь кита,
 Заграждаетъ путь ко входу
 Скаль разженныхъ высота.
 Нашъ Иванъ во весь свой голось
 Загремѣль: Чертъ гои еси!
 Мигомъ стѣну разнеси.
 Съ этимъ словомъ тонкой волосъ
 Вырвалъ съ лѣваго виска,
 Сдѣлааь два онъ узелка
 И по мракамъ на просторѣ
 Только дунулъ — скрылось море,
 Отступила темнота
 И не стало вдруть кита.
 Вотъ сверкаютъ въ вихряхъ горы,
 Отвинтивъ хвостомъ затворы,
 Сдвинулъ съ мѣста чертъ скалы
 И въ обвалы грозной мглы
 Пролагаетъ путь Ивану,

Неварядному кафтану.
 Смотритъ, смотритъ нашъ Иванъ
 На разженный Океанъ.
 Вьется пламень подъ ногами,
 Гнется страшными дугами
 Змѣй въ клокочущей смоль,
 Рыщутъ вихри въ черной мглѣ,
 Поднимаясь, мраки тонуть
 И обрушившись, трещать;
 Своды въ заревѣ дрожатъ
 И пучины съ громомъ сто
 Подъ костромъ, какъ буря воютъ
 И въ порывахъ бездну роютъ.

Подъ ужаснымъ колесомъ
 Дьяволъ хвостъ смолою мочить;
 Смазавъ ось, онъ зубы точить
 И по шинѣ бьетъ усомъ.
 Грѣшныхъ страшными руками
 Съ душиной бездны подцепивъ,
 Къ острымъ спицамъ прикрѣпивъ,
 Тянетъ, рѣжетъ и съ когтями,
 Крошитъ ихъ стальнымъ бичемъ
 И съ желѣзнымъ калачемъ
 Кровь въ прихлебку убираетъ

И усомъ не утираеть.
 На чугуныя скалы
 Опираются котлы;
 Въ тѣхъ котлахъ смола клокочетъ,
 Поглотить Ивана хочеть.
 Вотъ сгущенная волна
 Буйныхъ вихрей подъ набѣгомъ
 Въ пѣнь забѣлелась снѣгомъ.
 И клубясь, какъ пелена,
 Съ дикимъ ревомъ онадаеть;
 Рветъ кипучія струи
 И дробясь на чешуи,
 Въ черныхъ скагахъ пропадаеть.
 Раздвоивъ багровый дымъ,
 По волнамъ Иванъ сѣдымъ
 Не спросясь, безъ позволенья,
 Мчится къ пропасти забвенья.

Поирая мглу стопой,
 Вотъ онъ видитъ подъ собой
 Раскаленную громаду
 Перевитыхъ сталью скалъ
 Въ вихряхъ дыму, въ тучахъ чаду.
 Тамъ огонь въ грядахъ сверкаль

И волнами разсѣкаль
 Своды вѣчнаго растленья.

Вотъ Иванъ чертей ребромъ
 Грянулъ по скаламъ и громъ
 Въ перекатахъ отъ смятенья
 Стоны Ада заглушилъ.
 Безпредѣльность содеогнулась,
 Вся природа ужаснулась,
 Хаосъ, какъ шальной, завылъ,
 Сила ада черной тучей
 Ввилась надъ смолой кипучей,
 Тма желѣзныхъ кулаковъ
 Для Ивановыхъ боковъ
 Въ отдаленьи зачернила;
 Но Иванъ во весь свой духъ
 Дунулъ и какъ легкій пухъ
 Сила ада отлетѣла.
 Содрогнулся нашъ Иванъ,
 Видя, какъ вѣка съ вѣками
 Подъ растленья руками
 Превращаются въ туманъ.
 Разостлавши свой кафтанъ,
 Отъ смятенья и отъ страху
 Вдругъ, какъ бѣшеный съ размаху,

Не вдаваясь въ обманъ,
По пучинамъ онъ суровымъ,
Облить пламенемъ багровымъ
Взвился взрывомъ въ океанъ
Не съ хрустальными водами,
А съ алмазными звѣздами.

Избави Боже отъ обмана;
Храни отъ хитростей жены;
Укрой отъ козней сатаны,
Отъ мести Нѣмца бусурмана;
Недопусти ты до хрѣха,
Сойтись съ пустою толпою журнальной;
Спаси отъ критики нахальной,
Въ которой, брани чепуха.

Безъ чувствъ, безъ мысли, безъ души,
Съ завѣтной глупостью и смѣсью,
Надутые пустою смѣсью,
Журналовъ пошлыхъ торгашаи.
Слѣпцы! — вотъ вашъ удѣлъ высокой:
Гасить лучъ Бога въ тѣмѣ глубокой,
Лить желчь, и драться за гроши.